

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ АРХИВ

Составители
Даниэла Рицци и Андрей Шишкин

Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche
Trento 1997

АНДРЕЙ ШИШКИН

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ИТАЛИЯ

Слава Италии. Восприимчивость Италии – наследие Эллады, Византии ею претворено. Щедрость Италии <...> Любовь к Италии – показатель высоты просвещения. По тому, как любят Италию и что в ней любят, можно судить о характере эпохи. <...> Мы ее внучатые племянники.

Вяч. Иванов. *Набросок о России и Италии* (РГБ, 109. 5. 32).

Девизом русского символизма, по словам Андрея Белого, было пережить в сегодняшнем искусстве все века и нации.¹ Знаменательными были проектируемые грандиозные поэтические книги символистов – *Зовы древности* (1908) Бальмонта и незаконченные *Сны Человечества* (1908-1913) Брюсова. В последней книге автор предполагал, ни много, ни мало, «представить все формы (курсив Брюсова), в какие облекалась человеческая лирика» – «от безыскусственных песен первобытных племен, через лирику древнего Востока, античной древности, народов, создавших новую Европу, и народов, населявших Америку до ее завоевания конкистадорами, через все многообразие искусственной поэзии, как она была разработана за последние три-четыре столетия, вплоть до форм, найденных недавним про-

¹ А. Белый. *Эмблематика смысла*, § 23, в: А. Белый. *Символизм*, М. 1910, с. 143.

шлым...».² Русским символистам (в отличие, например, от футуристов) было необходимо не столько изобретение совершенно новых форм, сколько введение в употребление форм, перенятых из *других* культур; мысль углубляется в познание неизвестного, отталкиваясь от энергии уходящего в глубь тысячелетий слова, от проработанного интеллектом и духом образа, символа или мифа.

Среди этих *других* культур прошлого и настоящего, с которыми символисты – каждый по своему, – искали «большого диалога» привилегированное место, после греко-латинской словесности, занимала культура итальянская. «Каждый по своему» – совершенно необходимая оговорка: пожалуй, невозможно или, по крайней мере, очень трудно представить в одном ряду таких по-разному испытавших «притяжении Италии» символистов, как Мережковский, Бальмонт, Брюсов, Кузмин, С. Соловьев или Эллис. Имя Вяч. Иванова в этом перечне должно быть одним из первых. В отношении к Италии у Вяч. Иванова соединялся аспект глубоко личный и творческий, духовный, культурный и религиозно-церковный – его место в «большом диалоге» символистов с итальянской культурой настолько значительно, сложно и своеобразно, что необходимо поставить вопрос о истории его отношений с Италией как об отдельной историко-литературной и культурологической проблеме.

1. Итальянские образы и формы в поэзии Вячеслава Иванова

В Италии Вяч. Иванов прожил в общей сложности почти 30 лет. Рим стоял в начале и в конце духовного становления Вяч. Иванова, и в Рим Вяч. Иванов возвратился *nel mezzo del cammino* своей жизни. В Риме завершились его «лета странствий и учения» – в 1890-е годы, там жил он в 1912-13 году, и там длились его *senilia* – с 1924 г. до 1949 г., года его смерти. В Италию Иванов первый раз надолго приехал в 26 лет, в 1892 г.,

² Объяснение автора к *Снам Человечества*, в: В. Брюсов. *Собрание сочинений*, II, М. 1973, с. 460.

после пяти лет занятий Римской историей в Германии, в Момзеневском семинаре. «Родине верен я, Рим родиной новою чту»,³ – писал он в одном из посланных из Вечного города в Россию элегических дистихов, неслучайно озаглавленных *Laeta* – Овидий из своего изгнания слал в Рим *Tristia*, скорбные элегии, русский поэт шлет в свое отечество *Laeta*, песни радости.

Во время первого приезда в Риме произошло важнейшее для жизни поэта событие, которое для него означало как бы второе рождение: встреча с Лидией Зиновьевой-Аннибал. Эта встреча знаменовала для писателя, по словам его *Автобиографического письма* 1917 г., «начало любви, которой суждено было с тех пор, в течение всей моей жизни, только расти и духовно углубляться» (II, с. 20). Об этой встрече Иванов писал как о духовном перевороте, сопоставимом разве только с религиозным обращением или преображением: «Друг через друга нашли мы – каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» (II, с. 20). Объяснение, окончательный разговор произошел в стенах Колизея, и в позднейших стихах Вяч. Иванова, когда он касался этого события, темы дионисийского хмеля, рождения к истинной жизни связывались с Колизеем, представляющимся как священная могила, сакральное хтоническое святилище: «Я начал, помню, начал жить В ночь лунную, в пещерах Колизея. И долго жил той жизнью, – живой Впервые...» «Наш первый хмель, преступный хмель свободы Могильный Колизей Благословил...» (II, с. 398).

Когда в конце 1902 г. вышла из печати первая книга поэзии Вяч. Иванова, часть ее составил цикл *Итальянские сонеты* (I, с. 613-24). Автоэпиграф к циклу начинался так: «Италия, тебе славянский стих Звучит, стеснен в доспех твоих созвучий!». Цикл появлялся после периода упадка сонетного жанра в оскудевшей стихотворной культуре последних десятилетий XIX века, когда сонет считался чуть ли не фокусом, и обращение символистов к идеально завершенной и сложнейшей твердой

³ Вяч. Иванов. *Собрание сочинений*, I, Брюссель 1971, с. 638. Далее ссылки на брюссельское издание приводятся в тексте.

сонетной форме, форме итальянской и европейской классики, было частью программы символистского «ренессанса».⁴

Ивановский цикл в данном аспекте представлял особый интерес, ибо Италия присутствовала в сонетах в плане выражения и в плане содержания, в «памяти формы и жанра» и в темах и идеях итальянского средневековья и Возрождения.

Ряд сонетов был посвящен художникам Кватроченто, работы которых Иванов смог увидеть во время своего первого приезда в Европу в 1880-е – 90-е гг. Эти сонеты были попыткой создать словесные образы и символы, которые соответствовали бы, воспроизводили бы живописные и пластические изображения итальянских мастеров – типично ренессансная затея! Один сонет посвящен миланской *Вечере Леонардо*, другой – статуе *Давид* Микеланджело на флорентийской площади Синьории, два другие описывают *La stanza della disputa* и Сикстинскую капеллу в Ватикане. Еще один сонет так описывает фрески в ватиканских станцах Рафаэля: со стен с поблекших фресок звучат вечные споры мыслителей Афин – они *ищут* Истину, и святых отцов на вселенском соборе – они *молят* Истину, но к Истине – наравне со Справедливостью, Философией и Богословием, своим путем дерзновенно стремится и Поэзия. В сонете *Сикстинская капелла* упоминаются фрески Микеланджело на потолке Сикстины и *Страшный суд* на алтарной стене, вся же капелла видится поэту как «вечности символ», храм, наполненный громами, громкими плачами и воплями, «колеблемый сосуд» материализовавшейся музыки.

В сонете, посвященном трем картинам Боттичелли – *Madonna del Magnificat*, *Primavera*, *Adorazione dei pastori*, Вяч. Иванов создал некий единый, синтетический реальный и вместе с тем мистический образ картин художника. Темы сонета – Благовещение как воплощение и как жертва, как дар Земле, Искусство, как узрение Земли и воплощенного в ней небесного Послания, Художник, чей дух знает Жизнь и Смерть, Красоту и вечную Любовь-желание – творящий Эрос. Язык живописца – ритмические повторы движения и жестов – Иванов переводил на

⁴ М. Л. Гаспаров. *Очерк истории русского стиха*, М. 1984, с. 206-207.

язык поэзии: «бледная рука» Мадонны чертит в книге слова «Ессе ancilla» («Се, аз раба») – Дева, не видя «горних веле-лепий», склонилась к земле «печаль очей». Подобным же образом «долу нисходил» и сам Боттичелли, когда описывал реальный и призрачный мир природы – это «нисхождение» художника-творца, уподобляющегося в творческом акте божеству. И боттичеллиевская Флора-Весна-Венера, воплощение Эроса, скрытой основы всего Универсума, также «сходит в доли», в мир, – она как бы еще одна символическая ипостась Мадонны, продолжающая тему инкарнации и творчества. Но к иному творчеству пришел Боттичелли в конце жизни, создавая *Adorazione dei pastori*: здесь ему виделись «Оливы горние, и Свет, в ночи явлен, И поцелуй небес» – это творчество, творящее в момент отрыва от земли, в момент восхождения.⁵

«Восхождение» и «нисхождение» через десятилетие станут главными терминами в эстетике Вяч. Иванова, в сонете поэт уже пользуется ими для описания художественного пути итальянского художника и его живописи. То есть поэтический язык, который описывает картину итальянского художника, уже содержит в себе инструменты для формулирования собственных эстетических концепций: со-переживание творчества итальянского художника перетекает в собственное.

В вошедшем в *Cor Ardens* сонете под названием *Италия*, Италия дана уже в звуковом ряду: через сочетания звуков, необычных для традиционного русского звукоряда, но характерных именно для романской речи («звуки италианские», как-то заметил Пушкин по поводу батюшковских стихов). Итальянские имена собственные поставлены уже в первом катрене на наиболее сильные места – являются рифмующимися словами – сам Вяч. Иванов говорил в своих лекциях в Академии стиха, что «можно многое угадать по словам рифмы о смысле стихотворения». Содержание сонета – сбывшееся и чаемое, «итальянское» пережитое и ожидаемое, итальянская природа и дионисийская любовь, символы и образы античности и латинского

⁵ См. также G. Bobylewicz–Brys. *Живопись мастеров итальянского Возрождения в творчестве Вячеслава Иванова*, «Cahiers du Monde Russe» XXXV (1-2) 1994, p. 212-14 и дал.

христианства, светлое ожидание старости и ухода в мир иной, религиозный символ страдания, преодоления трудностей и бессмертия. Темы эти разворачиваются в соответствии со строгими правилами сонетной композиции и движения сюжета, которые сам Вяч. Иванов излагал в 1909 г. в «Поэтической Академии» на Башне: «Сонет по сюжету должен быть замкнут в себе и иметь в себе некоторую остроту. Первые 4 строки – основная мысль, 4 вторые развивают мысль – в последних 3-строчиях должен иметь ясную развязку. Последний терцет должен быть неожиданным содержанием – в себе поворот»:⁶

В стране богов, где небеса лазурны
И меж олив где небо светозарно,
Где Пиза спит, и мутный плещет Арно,
И олеандр цветет у стен Либурны,

Я счастлив был. И вам, святые урны
Струй фэзуланских, сердце благодарно,
За то что бог настиг меня коварно,
Где вы шумели, благостны и бурны.

Туда, туда, где умереть просторней,
Где сердца сны – и вздох струны – эфирней,
Несу я посох, луч ловя вечерний.

И суеверней странник, и покорней –
Проходит опустелою кумирней,
Минувших роз ища меж новых терний.

(I, с. 496-97)

Если Вяч. Иванов был одним из главных деятелей символизма, ответственных за *translatio* и канонизацию в русской литературной культуре сонета – в том числе и «итальянского», он обладал неоспоримым приоритетом в деле введения в Россию другой изобретенной в Италии изощренной сонетной формы – венка сонетов.⁷ Любопытно, что итальянский поэт и переводчик Ринальдо Кюфферле – в каком-то смысле, ученик и последователь Вяч. Иванова – в 1940-е гг. пытался вновь ввести

⁶ *Лекции Вяч. Иванова о стихе в поэтической академии 1909 г.* Публ. М. Л. Гаспарова, «Новое литературное обозрение» 10 (1994), с. 99.

⁷ А. Шишкин. *Русский венок сонетов: истоки, форма и смысл*, «Russica Romana» II (1995), с. 197-98.

аналог этой формы в итальянскую литературную культуру, в которой практически угас интерес к твердым сонетным формам. При этом – насколько это показательно для истории «странствования муз» по Европе! – Кюфферле ориентировался не на оригинальные итальянские сонетные короны, а на ивановский венок сонетов *Два града*, который переводил для итальянского издания (см. письмо Иванова к Кюфферле от 8 сентября 1945 г. ниже в публикации Д. Руффоло). Вяч. Иванов имел основание полушутливо называть сонет в одном стихотворении 1915 г. своим «крестником», указывая своим современникам на великих поэтов романского средневековья и Ренессанса как на классические образцы:

Привержен я классическому толку,
Мне дорого изящество манер.
Учи его! Петрарку ставь в пример.

Новейший вкус (признаюсь втихомолку)
Сомнителен – и сам я не педант.
Мне всех милей Ронсар, да ветхий Дант.⁸

2. Вячеслав Иванов и Данте

Если можно говорить о присутствии своеобразного дантова кода в русском символизме,⁹ то в первую очередь это должно быть отнесено к жизни и творчеству Вяч. Иванова.¹⁰ Надо думать, что современники иной раз неслучайно видели черты

⁸ Вяч. Иванов. *Неизвестные стихотворения и переводы*, «Новое литературное обозрение» 10 (1994), с. 7.

⁹ Л. Силард, П. Барта. *Дантов код русского символизма*, «Studia Slavica Hungarica» 35 (1989), с. 61-95.

¹⁰ P. Davidson. *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante*, Cambridge 1989; А. Асоян. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной Комедии» Данте в России, М. 1990; W. Potthoff, *Dante in Russland. Zur Italienrezeption der Russischen Literatur von der Romantik zum Symbolismus*, Heidelberg 1991 (справедливую критику последней работы см. в рецензии С. Гардзонио, «Russica Romana» II-1995, р. 378-82); А. Шишкин. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова (К теме: «Иванов и Данте»), в сб.: Вячеслав Иванов. *Материалы и исследования*, М. 1996, с. 333-52.

внешнего сходства между Вяч. Ивановым и автором *Комедии*, а литературные критики усматривали в Иванове «дантовский тип» творца, который объединял в своей личности мыслителя и поэта, грандиозно величественного и сложного, нуждающегося в специальных комментариях для понимания или толкования.

В жизни Вяч. Иванова особая роль принадлежала описанному Данте в третьей главе *Новой жизни* видению: Амор дает Возлюбленной поэта вкусить пылающее сердце. Это видение пришло во сне Иванову 15 июня 1908 г., через восемь месяцев после смерти Л. Зиновьевой-Аннибал – современный юнгианец объяснил бы это как прорыв сознания художника XX века в «коллективное бессознательное» эпохи Данте. Образ пылающего сердца, *cor ardens* восходил к евангельскому рассказу о явлении воскресшего Христа двум апостолам на пути в Эммаус – вспоминая эту Встречу, апостолы потом говорили: «*Nonne cor nostrum ardens erat in nobis, dum loqueretur nobis in via et aperiret nobis scripturas*» (Лука, 24: 32). Образ горящего сердца стал главным и сквозным символом самой большой поэтической книги Иванова и одновременно ее названием – *Cor Ardens* (1911). Значения этого символа в книге можно выстроить как некую иерархическую структуру, сопоставимую с известными дантовскими «четырьмя смыслами толкования текста», где нижним будет смысл «буквальный» или «исторический», а верхним – «анагогический». Любопытно, что если связь дантовского образа горящего сердца с повествованием евангелиста Луки была ясна Иванову уже тогда, в конце первого десятилетия XX века – поэтическим пересказом этого повествования было одно из стихотворений книги, которое давало ключ к названию книги и его глубинному смыслу (*Путь в Эммаус*) – то такого же рода сближение было сделано в американской дантистике в 1988 г.¹¹

Через несколько лет Иванов вновь возвратился к третьей главе *Новой жизни*, открыв ее поэтическим переводом одну из своих наиболее значительных теоретических статей: дантовское видение для Иванова являлось образцом мощного визио-

¹¹ J. Ferrante. *Usi e abusi della Bibbia nella letteratura medievale*, in: AA. VV., *Dante e la Bibbia*, Firenze 1988, p. 220.

нерского переживания, «экстаза» и «высочайшего подъема духа в область сверхчувственного сознания», и одновременно – отправной точкой собственных оригинальных идей о познании и воплощении, интуитивном созерцании и постижении, о типах творчества. Но моделью для Вяч. Иванова (как, впрочем, в то же десятилетие и для Блока) была и сама форма дантовских творений – «высокий образец, несомненно достойный подражания» – загадочные возвышенные видения или сны, рассказанные в трудной и изощренной поэтической форме и сопровождаемые прозаическим философским толкованием. Структурные соответствия между философской поэзией Вяч. Иванова и творчеством великого флорентинца особенно заметны в мелопее *Человек*, которую И. Н. Голенищев-Кутузов, в будущем крупнейший российский дантолог, как-то раз будучи в Риме в гостях у Иванова, истолковывал, по желанию автора, «по четырём смыслам».¹²

Как видим, у Вяч. Иванова «большой диалог» с Данте осуществлялся в подсознании, в жизни, в поэтической экзегезе, поэтике и в эстетическом дискурсе.

3. Русский Данте, русский Петрарка, русский Микеланджело

Одним из практических предприятий символистов, которые стремились преодолеть изолированность русской литературной культуры, было создание новых переводов мировых классиков. В отношении Италии замечательны три ивановские проекта – параллельное прозаическое и стихотворное переложение *Комедии*, переводы всех поэтических сочинений Микеланджело Буонарроти и избранных сонетов из *Канцоньере* Франческо Петрарки.

Осуществлен был только последний проект – переложение 22 сонетов «на жизнь Лауры» и 11 сонетов «на смерть Лауры». Тематический выбор 33 из всех 317 сонетов *Канцоньере* был

¹² И. Н. Голенищев-Кутузов. *Из нове руске Књижевности*, Београд 1937, с. 62.

глубоко продуман переводчиком, который в композиции своих переложений стремился структурно воспроизвести сложную ренессансную «полиэдрическую» архитектонику оригинала.¹³ Когда в 1915 г. книга Петрарки вышла в свет, Вяч. Иванов подарил Ю. Н. Верховскому экземпляр, снабдив его стихотворной надписью на архаизированном, имитирующем петрарковский стиль итальянском языке (см. *Материалы и документы из Римского архива Вяч. Иванова*, I; далее в тексте просто *Материалы*). В этих полушутливых стихах Вяч. Иванов ясно сформулировал значение, которое он придавал своему переводу для русской поэтической культуры. Коронованный на Капитолии Петрарка назван «моим королем», «сувереном», который проявил милость к своему «вассалу» – то есть русскому переложителю – тем что подарил ему «тридцать три» – тридцать три сонета – теперь «вассал» станет известен в своем отечестве благодаря тому, что его «честность» («l'onestade») – точность перевода, как, наверное, нужно думать, – предстанет украшенной «их» красотой – красотой дарованных «вассалу» 33 сонетов.

Проектом перевода Комедии Вяч. Иванов увлекся весной и летом 1920 г. *Комедия* должна была предстать по-русски в

¹³ Lowry Nelson, Jr. «*Translatio Lauri: Ivanov's Translation of Petrarch*», in: *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher* (ed. by R. L. Jackson and L. Nelson Jr.), New Haven 1986, p. 162-89; N. Balašov. *La taxonomie des sonnets de Petrarque et leur syntaxe dans les traductions de Vjačeslav Ivanov*, in: *Cultura e Memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*, à cura di F. Malcovati, I, Firenze 1988, p. 21-36. Н. И. Балашов классифицировал по восьми группам темы переведенных Ивановым сонетов и отметил, что они имеют объединяющий их центр и разноповернутые плоскости. Если пытаться изобразить графически композицию петрарковских сонетов в переводе Иванова, то систему переводов Иванова следует передать не линейно, даже имея в виду замкнутую ломаную линию (многоугольник), но как построенный на многоугольной основе неправильный многоугольник – полиэдр. Замечательно, что модель, выводимая т. о. из ивановских переводов, является моделью построения всего *Канцоньере*, хотя, конечно, не включает всех его граней. В свою очередь, полиэдрическая модель своей центричностью объясняет, что художественные темы *Канцоньере* – не рядоположенные отрезки, а лучевые разветвляющиеся пучки, выступающие на уровне текста как грани полиэдра. Это центрическое построение – одно из важнейших особенностей художественного мышления Возрождения, отразившееся в центрических проектах построек от Брунеллески до Микеланджело.

двух переложениях: стихотворном и прозаическом и, кроме того, сопровождается примечаниями переводчика (см. *Материалы*, IV). Образец подобной поэтико-герменевтической работы, предпринятой Вяч. Ивановым в середине того же десятилетия, мы находим в его опыте переложения микеланджеловского сонета: за подробным прозаическим истолковательным переводом следовал философский и филологический комментарий, последний показывал, как у ренессансного поэта преломлялись идеи античных мыслителей – труд переводчика и истолкователя завершался эквилинеарным стихотворным переложением («в стихах можно дать только переложение», – любил настаивать поэт), которое воссоздавало идеи, образы и символы оригинала в рамках той же твердой поэтической формы, но средствами другого поэтического языка.¹⁴

Летом 1920 г. соседом Вяч. Иванова по комнате в подмосковном санатории был Гершензон – он сделал словесный эскизный портрет поэта, переводящего *Комедию*, и этот портрет как бы фиксировал последовательность работы мыслителя, филолога и поэта над строкой Флорентинца: «Вы в тихом раздумьи силитесь мыслью разгладить жесткие вековые складки Дантовых терцин, чтобы затем, глядя на образец, лепить в русском стихе их подобие» (III, 387).

Остается жалеть, что не имеющий прецедента «трехголовый» герменевтический проект «русского Данте» остался совершенно неизвестен русской переводческой культуре; сам Иванов не оставил надежды перевести Данте еще в 1928 г. (см. *Материалы*, IV).

Также не получил воплощения проект полного издания поэтических сочинений Микеланджело, который в середине 1920-х годов замышлялся в одном из московских независимых издательств. Вяч. Иванов перевел для него восемь микеландже-

¹⁴ См. письмо Вяч. Иванова к О. А. Шор от 9 ноября 1925 г., «*Russica Romana*» II (1995), р. 269-70. О принципах и практике перевода Вяч. Иванова см. М. Wachtel. *Russian Symbolism and Literary Tradition. Goethe, Novalis and the Poetics of V. Ivanov*, Wisconsin 1994, р. 128-42.

ловских стихотворений, пока не убедился, что его имя в советской России становится все более одиозным.¹⁵

4. «В ограде римской славы»

В последний раз и навсегда поэт вернулся в Рим в 1924 г. Как первый приезд сюда Иванова, так и приезд последний, был исподволь продуманным и подготовленным этическим актом, выбором, никак не просто эмиграцией в наиболее удобную по ряду личных аспектов для жизни изгнанника страну. (Здесь необходимо оговориться: Вяч. Иванов – в рамках, как сейчас стали говорить, собственного мифа – ощущал себя гражданином Рима, созерцающим мировые события с точки зрения вечного города – отношение к Италии было лояльным и сердечно-близким – но в другом плане, чем отношение к Риму). Уезжая навсегда из СССР в 1924 г., Вяч. Иванов говорил друзьям: «Я еду в Рим умирать» – слово «умирать» означало не чтобы умереть там, а чтобы прожить оставшиеся годы в Риме, правильно завершить в Риме свою жизнь с точки зрения вечности – для русских символистов, которые исповедовали единство жизни и творчества, смерть была не только последним заключительным звеном, но и, в каком-то смысле, едва ли не высшим актом творчества.

Свое отношение к происшедшим в России событиям, включая собственное вынужденное изгнание, Иванов выразил в созданном в конце 1925 г. сонете *Regina Viarum*. Рим-Новая Троя, основанная на берегах Тибра троянцем Энеем – символ сохранения Прошлого и Сбывшегося, преемственности памяти Культуры – оттого Рим и начинает новую европейскую историю. Участь горящей Трои, истребляемой безжалостным врагом, постигла теперь Россию, когда-то притязавшей на имя Третьего Рима. Но история вечного города – его уничтожение, восстановление из пепла и память о прошлом Граде троянских

¹⁵ См. *Стихотворные переложения из Микеланджело Буонаротти Вяч. Иванова*, публ. О. Кузнецовой и А. Шишкина, «*Russica Romana*» II (1995), р. 261-65.

праотцев – могут дать отдаленную, не формулируемую здесь надежду и для вернувшегося в изначальный, вечный Рим русско-го изгнанника и скитальца (III, с. 578).

На второй год после приезда в Рим, в марте 1926 г., Вяч. Иванов совершил заключительный акт своей церковно-религиозной жизни, это решение подготавливалось и зрело почти 30 лет. 14 марта 1926 г. он направил в конгрегацию Восточных церквей прошение о соединении с католической Церковью и в отдельном пункте просил формального разрешения совершить соединение, прочитав соловьевскую формулу, «поскольку он испытал некогда радость личного духовного руководства со стороны Вл. Соловьева».¹⁶ Как и Соловьев, Иванов заявлял, что он «как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти» признает верховным судьей в деле религии апостола Петра и его преемников. Эта формула означала присоединение к католической Церкви – как и в случае Вл. Соловьева, присоединение, не переход или отречение от православной Церкви,¹⁷ причем присоединение в качестве православного, для которого его Церковь остается истинной, Восточное православное отеческое предание и великие русские святые – действительными,¹⁸ но который признает неканоническим

¹⁶ Формулу Соловьева см. в его кн. *Россия и Вселенская Церковь*. Перевод с франц. Г. А. Рачинского, в: Вл. С. Соловьев. *Собрание сочинений*, XI, Брюссель 1969, с. 173. Толкование смысла формулы см. в статье Людольфа Мюллера *Владимир Соловьев и католицизм*, «Славяноведение» 2 (1996), с. 49. Ср. также в письме Вяч. Иванова к сыну от 11 марта 1927 г.: «Вл. Соловьев провозгласил, что он “право славный” не в современном, условном, а в исконном и полном смысле слова и потому видит в преемнике Петра главу Церкви Вселенской как признавали его истинные православные, напр. Иоанн Златоуст, составивший чин православной литургии, и учителя славян, святые братья Кирилл и Мефодий» (Сб. *Вячеслав Иванов...*, с. 20).

¹⁷ Ср. О. Дешарт. *Введение*, в: Вяч. Иванов. *Собрание сочинений*, I, с. 174.

¹⁸ Ср. также в письме Вяч. Иванова к сыну от 10 марта 1927 г.: «Кто не чтит и не любит <...> преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, тот русский не достоин именоваться христианином, – все равно, будь он православный или католик» (Сб. *Вячеслав Иванов...*, с. 17). Одновременно Иванов утверждал, что «в старину латинство обезли-

подчиненный государству Правительствующий Синод, учрежденный Петром I. Такого рода позиция была единственной в своем роде, ненормативной, и опережала развитие отношений между католической и православной Церквями. («Пред святыней инославной / Сердце гордое смирилось, / Церкви целой, полнославной / Предвареньем озарилось», – писал он в *Римском дневнике* 2 февраля 1944 г. [III, с. 592], подразумевая, таким образом, что он лишь предугадывал, предвидел соединение церквей в некоем будущем).¹⁹ Конгрегация Восточных церквей воздержалась от принятия положительного решения и передала вопрос на рассмотрение Sant'Uffizio, каковая инстанция постановила позволить совершить обряд «с необычной формулой» («colla formula insolita» – см. *Материалы*, IV).²⁰ Несмотря на это, соловьевская формула присоединения вызвала замешательство у прелатов базилики Св. Петра.²¹ Смысл своего присоединения Вяч. Иванов подробно объяснил в *Письме к Дю Босу* 1930 г. (см. III, с. 424-28).

В одном стихотворении, сочиненном в середине последующего десятилетия, поэт описал свою церковную жизнь в римском приходе на Малом Авентине, внутри аврелиановых стен, где находилась приходская древняя базилика Св. Саввы (San Sabba), каппадокийского святого VI в., почитаемого русскими под именем Саввы Освященного – базилика уже в конце VI века была передана папой Григорием Великим сирийско-палестинским монахам, выходцам из монастыря Св. Саввы в Кедронской долине в Иудее. Украшенные античными колоннами и разноцветными мраморами, святилища древних римских

чило бы Россию, как оно искажило душу Польши» (письмо к С. Франку, «Мосты» 10 [1963], с. 362).

¹⁹ После слова «инославной» в этих стихах ожидается – по законам рифмы и как естественный антоним – слово «православной»; в этом контексте слово «полнославной» как-бы содержит в себе указание на «православной» и на полноту, соловьевскую вселенскость и всеединство.

²⁰ Агентства S.I.C.O. сообщало, что разрешение последовало 17 марта 1926 («L'Osservatore Romano» № 220, 22 sett. 1949). 20 марта Sant'Uffizio уведомило о своем решении Конгрегацию, о чем была сделана специальная запись, воспроизведенная в *Материалах*, IV.

²¹ См. Л. Иванова. *Воспоминания. Книга об отце*, Париж 1990, с. 196-97.

базилик, подобно кипарисовой аллее, как бы уводят взор через века «Тропой прямой, тропую тесной, Пройденной родом христиан», в дали этой «тропы чудесной» по прежнему идут апостолы Петр, Иаков и Иоанн, свидетели Преображения Христова (III, с. 587). «Из таких мест Рима многовековая жизнь Церкви невольно представляется длинным, длинным шествием вроде крестного хода, в истоке которого доселе идут перво-свидетели Христовы», – пояснял поэт мысль стихотворения в письме С. Франку.²²

5. Русская академия в Риме

Вяч. Иванов уехал из Советской России потому что находил невозможным сосуществовать с новой идеологией в своем отечестве. Но за границей на первых порах он не оставлял надежды в какой-то мере содействовать культурному и научному обмену СССР с европейскими странами. В Рим он приехал с проектом, который представил и обсудил в Москве с народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским и П. С. Коганом; к проекту был как-то причастен и директор Института итальянской культуры в Москве О. Кампа.²³ Это был проект основания в Риме Русской академии – Института археологии, истории и искусствоведения – по образцу уже существующих здесь национальных академий других стран.²⁴ Руководителем Академии должен был стать сам Вяч. Иванов.

²² «Мосты» 10 (1963), с. 360.

²³ См. выше, с. 410, прим. 87.

²⁴ О иностранных Академиях и Институтах в Риме сообщалось в книге Н. Н. Любовича *Иностранные исторические институты в Риме*, Варшава 1914. Проекты создания Русской Академии или Института до Вяч. Иванова принадлежали Е. Ф. Шмурло (1854-1934), который жил и работал в Риме с 1903 по 1924 г. в качестве ученого корреспондента Историко-филологического отделения Императорской, а затем Российской Академии наук в Риме. Шмурло, однако, интересовался прежде всего собиранием памятников итальянско-русских отношений и предполагал направить Академию или Институт прежде всего по этому пути. О Шмурло см. недавние работы С. Яковенко: *Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI века): изучение и публикация источников*, в сб.: *Исследо-*

Этот проект мог бы начать новую главу в истории отношений двух стран. Геополитическое положение на европейской карте традиционно обрекают российско-итальянские сношения быть «ни слишком хорошими, ни слишком плохими», более существенными являются, по словам бывшего посла Италии в Москве, отношения экономические, религиозные и идеологические.²⁵ Но по мере укрепления Советского государства эти последние все более попадали в зависимость от актуального политическо-дипломатического курса, что, надо думать, прекрасно ощущали как Вяч. Иванов, так и Луначарский, знакомый с поэтом еще по «средам» на петербургской Башне. О религиозных и церковных сношениях на протяжении полувека до Второго Ватиканского собора не приходилось и говорить. Между тем Русская академия (или Институт) в Риме, в какой-то мере непосредственно независимая от официального политического и дипломатического курса, в силу своего статута обладающая прерогативой представлять свою культуру и науку и получать информацию о культуре и науке через другие европейские академии, могла бы изменить ситуацию.

Сразу по приезде в Рим Вяч. Иванов, вооруженный мандатом на предварительное ведение переговоров и письмом Луначарского, отправился в Советское представительство: действовать в обход Министерства иностранных дел не представлялось возможным. Чиновники из посольства не встали к проекту в прямую оппозицию, но сразу указали (Вяч. Иванов передавал их слова с сдержанной и едва заметной иронией) что работа в отношении обмена информации «уже налажена нашим представительством во всех областях знания» (см. *Материалы*, IV). «Неуместной» – «по соображениям принципиального характера» – показалась идея найти помещение для Института в помещении, принадлежащем Советскому представительству (там же). Не нравилась и не вызвала доверия у них и личность поэта Вяч.

вания по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода, М. 1989, с. 87-90; Евгений Францевич Шмурло и русское историческое общество в Праге, «Европейский Альманах» 1993, с. 65-74.

²⁵ S. Romano. *I rapporti diplomatici: «Né troppo bene, né troppo male»*, in: AA.VV., *I Russi e l'Italia*, a cura di V. Strada, Milano 1995.

Иванова. В рамках официального разговора в октябре 1924 г. Полпред советского дипломатического представительства заявил, что «в идее» сочувствует проекту Русского Института, но не удовлетворен его конкретной программой. По мнению Вяч. Иванова, этот разговор подводил «итог» его переговорам с советской дипломатической миссией – иными словами, означал их дальнейшую бесперспективность.

В третьей докладной записке Луначарскому Иванов кратко изложил продуманный им проект первых шагов деятельности Института, его статус, состав сотрудников, обучение начинающих исследователей, цели, направление и организацию научной деятельности в Риме, контакты с международной ученой аудиторией, национальными академиями Рима и Италии. Институт должен был входить в систему не Академии наук, а Комиссариата просвещения, то есть зависеть от Луначарского (вероятно, можно было надеяться поддерживать отношения непосредственно с ним, минуя менее расположенных к Русскому институту советских и партийных деятелей). От руководства Институтом Вяч. Иванов был готов отказаться – и предложил на этот пост кандидатуры В. П. Бузескула или Б. В. Фармаковского.

Сердечный и неформальный ответ Наркома просвещения последовал через пять месяцев: «Идея Института в Риме отнюдь не погребена», «Никаких сомнений, что Вы можете быть лучшим руководителем такого зародыша Института, ни у кого нет». Единственное препятствие – правительственный режим строжайшей экономии, финансирование Института в текущем году не может быть начато. Мягкосердечный Луначарский, надо думать, совершенно искренно верил этим доводам, благодаря которым проект надежно прятался под сукно. Для Советских вождей – в отличие, в частности, от тогдашнего Румынского правительства (которое Вяч. Иванов ставил в пример в докладной записке Луначарскому) – Институт в Риме не представлял интереса – не только в 1927 г., как поначалу обещал просвещенный нарком, ни во все последующие года советской власти.

Несмотря на неуспех проекта Института, первые годы Вяч. Иванов получал возможность жить в Италии, продляя ежегодно свою командировку от Комиссариата просвещения, получая

скромную субсидию и ожидая (тщетно, как оказалось) денежного заказа на переводы от советских издательств; со своей стороны Вяч. Иванов был верен обещанию не сотрудничать с эмигрантской прессой. Положение переменилось осенью 1929 г., когда Иванов в очередной раз послал просьбу о годовом продлении командировки и одновременно пытался хлопотать о пенсии. В стране советов уже проходят процессы, готовятся массовые репрессии, либеральный Луначарский отставлен; от писателя за границей для подтверждения лояльности теперь требуются публичные выступления «в защиту» СССР (см. письмо в Наркомпрос из советского представительства в Италии в *Материалах*, прим. 51). Наркомпрос отправил Иванову категорическую по форме бумагу, где объявлялось, что четырехлетний срок пребывания за границей вполне достаточен «для любой командировки» и вполне однозначно предписывалось «проф. В. Иванову возвратиться в СССР» (*Материалы*, IV). Ослушавшись этого предписания, Вяч. Иванов переходил в статус невозвращенца.

6. В Павии

Житейские обстоятельства были трудными: в муссолиниевской Италии непросто было найти академическую позицию, сопоставимую с квалификацией и познаниями Вяч. Иванова. С 1926 по 1934 в течение учебного года он занимал место скромного преподавателя–лектора иностранных языков в павийском «Колледжо Борромео». В 1934 г. место лектора там было упразднено. Флорентийский университет единогласно избрал поэта ординарным профессором кафедры славистики, но... министр образования избрание отменил, так как Иванов не был членом фашистской партии. Однако в 1936 г. ватиканский Папский Восточный институт (Pontificio Istituto Orientale) и семинария Руссикум пригласили Иванова взять на себя преподавание церковнославянского языка – и там Иванов вскоре получил титул ординарного профессора, ответственного также и за руководство студентами, посвятившими себя изучению России. Занятия и семинары в Институте и Семинарии не пре-

кращались почти до самой смерти поэта. Некоторые из учеников Института – Г. Веттер и А. Стричек – стали видными деятелями научной и культурной жизни Европы.

В Павии Иванов сошелся с ломбардским кружком, в который входили либеральные представители мира культуры – от Пьеро Тревес (Piero Treves) и Стефано Ячини (Stefano Jacini) и до Алессандро Казати (Alessandro Casati) и Томазо Галларати-Скотти (Tommaso Gallarati-Scotti).²⁶ О создавшемся духовном общении один из участников кружка писал как о «духовной лаборатории», «куда каждый приходил со своим и интересами и проблемами».²⁷ Эти выражения замечательным образом почти буквально повторяли знаменитую бердяевскую характеристику ивановских «сред» на петербургской Башне. Павийские диалоги, продолжая традицию петербургских «симпозионов», стремились обращаться прежде всего к личности собеседника и его интересам, быть собеседованиями на культурном или идеологическом языке «другого»:

С Луиджи Суалли, профессором индологии, он говорил об индуизме. <...> С монсеньером Нашимбене, библистом, он говорил об ориенталистике.<...> С юным Бэонио-Броккиери, преподавателем политических учений, который уже тогда блистал игрой своего интеллекта, у него происходили искрящиеся огнем диспуты о Шпенглере и других пророках апокалипсиса.²⁸

В апреле 1931 г. в колледжо Борромео приехал Бенедетто Кроче. Встреча с Вяч. Ивановым сразу превратилось, как вспоминал Галларати-Скотти, в

²⁶ *Vjačeslav Ivanov a Pavia*, a cura di Fausto Malcovati, Roma [1986], p. 16.

²⁷ «Una specie di laboratorio spirituale nel quale ciascuno poteva portare i suoi problemi e i suoi interessi» (C. Angelini, *Venceslao Ivanov al "Borromeo"*, «Corriere della sera», 9 maggio 1966).

²⁸ «Parlava di induismo con l'indianista professor Luigi Sualli <...> Discorreva di cose orientali con un biblista com'era monsignor Nascimbene. <...> E sfavillanti dispute su Spengler e su altri profeti della parusia, aveva con il giovanissimo Beonio-Brocchieri, docente di dottrine politiche e già da allora magnifico sperperatore d'ingegno» (C. Angelini, *Venceslao Ivanov al "Borromeo"*, «Corriere della sera», 9 maggio 1966).

драматически-острый, временами, яростный, хоть и удерживаемый рамками вежливости, диалог, ибо он касался самых корней двух непримиримых верований: христианства и абсолютного идеализма, трансцендентизма и имманентизма.²⁹

При диспуте присутствовал также ученик Кроче Алессандро Пеллегрини (Alessandro Pellegrini). На следующий год, прочитав итальянский перевод *Переписки из двух углов*, Пеллегрини в каком-то смысле продолжил спор между своим учителем и русским поэтом о гуманизме и свободе, истории и культуре. Его *Considerazioni sulla «Corrispondenza da un angolo all'altro» di V. Ivanov e M. O. Gherschenson* были напечатаны в миланском журнале «Il Convegno» в начале 1934 г., непосредственно вслед за сочинением Пеллегрини следовало ответное письмо Вяч. Иванова, пункт за пунктом полемизировавшего с аргументами своего молодого оппонента.

Весь выпуск этого журнала был посвящен Иванову, это было инициативой Пеллегрини и его миланских друзей. Авторами статей о творчестве Вяч. Иванова здесь были Габриэль Марсель, Эрнст Роберт Курциус, Фаддей Зелинский, Федор Степун, известнейшие представители европейской философской и научной мысли. Часть журнала была посвящена поэзии Вяч. Иванова – в переводах Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle), Энрико Дамиани (Enrico Damiani), Раисы Олькеницкой (Raissa Naldi Olkienizkaja) и в автопереводах.

В Павийский период Вяч. Иванов сблизился с Джованни Папини. В первое десятилетие века последний участвовал в журнале «Весы», главном органе русских символистов, – теперь итальянский мыслитель привлек русского поэта к участию во флорентийском журнале «Il Frontespizio».

Среди сотрудников этого журнала был также дон Джузеппе де Лука (Don Giuseppe De Luca). Начав одно из своих писем к

²⁹ « [...] un dialogo drammatico, doloroso e a momenti – se anche contenuto dalla correttezza – violento, poiché toccava alle radici stesse di fedi inconciliabili: cristianesimo – idealismo assoluto, trascendenza – immanenza» (T. Gallarati-Scotti, *Disputa al "Borromeo"*, in: Id., *Interpretazioni e memorie*, Milano 1960, p. 347).

Иванову 1930 г. с изящной похвалы поэзии и филологии – ведь предмет *филии, любви* в фило–логии не только история, но и живая красота слова, а также и предвечное и несравненное Слово Отца, де Лука продолжал:

В вашей поэзии есть нечто, что нам, в Италии, недостает <...> ясность и легкость вашей лирики, ее человеческая близость, ее меланхолическое переживание истории мне кажется великой, да она и есть великая.³⁰

Сошелся Иванов с поэтом Кюфферле, который начал его переводить. Итальянский поэт вспоминал о беседах, каждое по восемь, по десять часов, которые происходили в большом кабинете, похожем на келью, на нижнем этаже.

Иванов мне говорил обо всем – о себе и о своем искусстве. Когда он читал стихи наизусть, а читывал он их по-русски – свои и других поэтов, особенно любимого им Пушкина, по-гречески – Алкея, Сафо («вот так вытанцовывал свои мысли Алкей», любил повторять Иванов), по-латински – Вергилия, по-итальянски – Данте и Петрарку, по-немецки – Гете и Новалиса.³¹

В последующие годы началось их сотрудничество. Кюфферле посылал на суд мэтра свои стихотворные опыты и получал в ответ придирчивый и доброжелательный их разбор. С 1941 г. Кюфферле начал перелагать центральную для ивановской поэтической мысли и мировоззрения поэму *Человек* (русское издание – Париж, 1939) окончательный итальянский текст вырабатывался почти пять лет в совместном творчестве автора и переводчика.

7. «Римский дневник 1944 г.»

Последняя поэтическая книга Вяч. Иванова создавалась в Риме в течение 1944 года: первое из 114 стихотворений книги

³⁰ Lettera del 6 agosto 1930, in: *Vjačeslav Ivanov a Pavia...*, pp. 43-44.

³¹ R. Küfferle. *L'ultimo Ivanov*, p. 1 (dattiloscritto; Archivio Ivanov, Roma).

помечено 1 января, последнее – 31 декабря. Подобно тому, как взвиваются в простор стаи ласточек в вечерний час, «когда закат оденет полнеба в золото», так душа ныне спешит напутствовать каждый миг «волной лирических отзвучий», – писал в одном из стихотворений Вяч. Иванов. *Свет Вечерний* – так назван и весь поэтический сборник, последней частью которого стал стихотворный *Римский дневник 1944 г.* Образ высокого неба, освещенного закатным светом, – символ достижения дней зрелой старости, преддверия последнего пути, с высоты которых можно видеть события и вещи проще, в чем то отрешеннее, иногда с мягкой иронией или полушутливо-полусерьезно, иногда с чувством правильности сделанного в прошлом выбора, верности своему прошедшему, с мудрым знанием, что история редко говорит свое последнее слово и что в жизни явление часто скрывает, вырачивает внутри себя свою противоположность. Два ворона, черный и белый – «две памяти» истории мира – вели спор о последних судьбах земли: «Пророчил черный вод возврат, а белый грял: «Арарат» – но черный прежде был белым и почернел от зрелища утонувших во Всемирном Потопе, белый же был прежде черным и побелел «в радуге небесных врат», – рассказывал поэт в стихотворении *Два ворона* (стих. 24 февраля).

Пестрая и конкретная поэтическая хроника – февральская «дальнобойная пальба» германских пушек, нацистская оккупация, которая как проказа «на скорбном теле» Вечного города, истребитель союзников, бросающий бомбы, затем, после июньского освобождения Рима, шотландские волынки под столпом Траяна и пьянствующие на римских площадях «янки» – соединяется с «вечными», идущими вглубь и ввысь темами религии и человеческой истории, искусства и постижения истины. Иногда поэт как бы возвращается к эстетическим и философским проблемам, когда-то подробно дискутировавшим им в начале века. В притче или кратком полусерьезном поэтическом повествовании можно поставить вопрос об иллюзионизме, который ищет лишь подобия, греховно не видя Истинной Реальности (27 июня), о «возврате» к «истоку» и «затвору» самопознания, противостоящего соблазну «скитаний» по «дороге» (излюбленный образ Блока, воплощающий его жизневосприятие). Архи-

текстурная доминанта римского пейзажа в *Римском дневнике* – Купол св. Петра.

В последнем из *Римских сонетов*, который в издании стихотворений Иванова расположен непосредственно перед *Дневником*, поэт как бы приветствовал и прощался с напоенным солнцем гаснущим римским днем, и этот день представлялся ему то венчальным кубком, то обручальным кольцом, которое Вечность протягивает Дню в знак обетования. Перевод этого сонета, вместе с другими стихотворными текстами по-итальянски, открывает следующий ниже раздел публикаций из Римского архива.

8. Вячеслав Иванов – русско-итальянский писатель?

Количественно эти стихотворные тексты, печатаемые в *Материалах*, весьма мало увеличивают уже известный корпус сочинений Вяч. Иванова на итальянском языке – в 1930-1940-е гг. прямо по-итальянски были написаны *Письмо к Пеллегрини*, *Размышление об установках современного духа*, *Форма зиждущая и форма созижденная*, *Хор Будущего*, *Лермонтов*, статьи для энциклопедии Треккани *Символизм*, и *Реализм*. Можно ли на основании этих итальянских текстов сказать, что их автор ощущал себя двуязычным – в данном случае, – русско-итальянским – писателем?

Вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Писать не на своем языке почти во все времена было достаточно сложным выбором, обусловленным порой даже не столько лингвистически, сколько культурно, а порой и политически. В истории Европы существовали целые эпохи, когда творить на родном языке вообще не было принято.³² Ряд русских поэтов XVIII века, и даже достаточно плодовитых, сочиняли стихи почти исключительно по-французски или по-

³² W. T. Elwert. *L'emploi des langues étrangères comme procédé linguistique*, «Revue de littérature comparée» 3 (1960); М. П. Алексеев. *Многоязычие и литературный процесс*, в кн.: *Многоязычие и литературное творчество*, Л. 1981.

немецки. Суинберн писал стихи, кроме английского, на древнегреческом, латинском и французском языках; Рильке, кроме немецкого, на итальянском, французском и даже русском. Об их творчестве пишут как о языковой эрудиции, но равноценность их сочинений на разных языках не всегда безусловна. В новейшее время, напротив, раздавались голоса, что тот, кто постиг один язык во всех тонкостях, никогда не овладеет столь же хорошо другим.

В XX веке писатель мог переходить на другой язык и по мотивам политическим. Как отмечал М. П. Алексеев, эльзасский писатель Рене Шикеле, писавший до 1933 г. только по-немецки, после 1933 г. создал роман на французском языке *Le Retour* (1938). Ю. Балтрушайтис до революции писал стихи исключительно по-русски, а после революции, живя в независимой Литве, перешел на литовский. Особый, нередко остро драматический выбор открывала перед писателем эмиграция: здесь достаточно указать на феномен В. Набокова или И. Бродского.

Вяч. Иванов, как видим, без затруднений писал прозой на другом языке. При этом прозой он именно писал, то есть создавал новый текст на другом языке, а не переводил на него прежде написанное русское сочинение. В этом отношении отнюдь не курьезом выглядит его требование цитировать написанное им в 1930 г. *Письмо к Дю-Босу* на языке оригинала, то есть по-французски, и фактическое запрещение переводить его на русский:

Русской редакции нет ни на бумаге, ни у меня в голове; перевести его на русский язык было бы и для меня самого делом очень не легким, потому что каждое слово в нем ответственно, — взвешено в смысловом отношении, нюансировано в психологическом (письмо к И. Голенищеву-Кутузову от 24 июня 1931).³³

Совершенно иначе обстоит дело с созданием на итальянском языке *стихов*. Как видно из следующей ниже публикации,

³³ *Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищевой-Кутузова*, публ. А. Шишкина, «Europa Orientalis» 8 (1989), p. 503.

Иванов написал только один оригинальный стихотворный текст на итальянском – этот единственный, притом окказиональный текст, надписанный на подаренной в 1915 г. Верховскому книге – автором никогда не предназначался для публикации. Единственен в своем роде и опыт стихотворных переложений на итальянский Пушкина и двух современных поэтов, Т. Вечерки и И. Новикова, а также автоперевод незаконченного либретто оперы *Наль и Дамаянти* (последний текст остается в рукописях РАИ). Дочь Вяч. Иванова Лидия (1896-1985), композитор, писала цикл из пяти песен для «трех женских голосов и камерного оркестра». Для исполнения оказалось необходимым переложить песни на итальянский, причем эквиметрически, чтобы точно следовать уже написанной на русские слова мелодии. О свободе, с которой Иванов подошел к этой задаче, достаточно свидетельствует то, что в итальянских нотах Лидия Иванова пометила автором одной песни не Т. Вечерку, а самого Вяч. Иванова – настолько поэт ушел от оригинального текста! Подобным же образом обстояло дело и с либретто оперы: русский текст был положен на музыку, затем возникла необходимость создать эквиметрический итальянский вариант русского стиха. Для печати Ивановым предназначались только авторские переложения свободным стихом двух Римских сонетов; характерно, что автор позднее вновь вернулся к их переводу, на этот раз в сотрудничестве с Ло Гатто.

Поэт предпринимал стихотворный перевод собственного текста, как хорошо ни чувствовал оттенки итальянского слова и как свободно ни сочинял стихи на языке Данте и Петрарки (примечательно здесь, между прочим, свидетельство Ло Гатто, что ряд строф в его поэтическом переложении *Евгения Онегина* был предложен ему Ивановым)³⁴ исключительно в сотрудничестве с итальянским писателем: *Римские сонеты* – с Ло Гатто, мелопею *Человек* – с Кюфферле. Стих перелажается на другой язык по совершенно иным законам, чем проза. Собственно прямой, точно воспроизводящий идеи и образы оригинала стихотворный перевод, по Иванову, невозможен, об

³⁴ E. Lo Gatto. *I miei incontri con la Russia*, Milano 1976, p. 71.

этом он писал в марте 1932 г. Эмилию Меттнеру, который просил поэта перевести на немецкий язык стихотворения Боратынского и Тютчева:

[...] не все равно – сказать *свое* или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно труднее оригинального творчества вообще [...] Вы видите, в чем дело: я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнава кристаллизирую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик.³⁵

Насколько далеко отходят стихотворные переложения двух Римских сонетов от авторских подстрочных переводов читатель увидит сам. Что же до итальянского переложения *Человека*, то, по заявлению автора, оно представляет собой «новый идеальный текст поэмы» («un nuovo testo ideale del mio poema»).³⁶ Процесс создания этого «нового идеального текста» теперь восстановим по публикуемой в этой же книге переписке Вяч. Иванова с Кюфферле. Доля участия Иванова оказывается значительной. Из филологической дотошности можно было бы задаться вопросом: не следует ли считать поэтому, что итальянское издание поэмы отражает «последнюю волю автора» и по-русски печатать в этом случае надлежит его обратный перевод на русский? Видимо, все же нет: итальянский текст не отменяет первоначальный русский – воссоздавая его в иной языковой стихии, он может помочь понять мысль и идею писателя, который не решился стать поэтом русско-итальянским.

³⁵ В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. Публ. В. Сапова, «Вопросы литературы» 1994, выпуск III, с. 310–311.

³⁶ Цит. по: F. Malcovati. *La traduzione italiana de l'«Uomo» di Vjačeslav Ivanov*, in: AA. VV., *Dalla forma allo spirito: scritti in onore di Nina Kauchtschischwili*, a cura di R. Casari, U. Persi e G. P. Piretto, Milano 1989, p. 112.

ИЗ РИМСКОГО АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

I. Итальянские стихотворные опыты и поэтические переложения.

- 1) Стихи «На экземпляре переводов из Петрарки».
- 2) Поэтические переложения:
 - Вяч. Иванов. *Римские сонеты*. Сонет 1 (в соавторстве с Ло Гатто).
 - А. Пушкин. Из *Сцен из рыцарских времен*. Из *Сказки о Царе Салтане*. *Колокольчики звенят...*
 - И. Новиков. *Базар*.
 - Т. Вечерка. *Ну, что же, счастье может в том...*

II. Переписка Вяч. Иванова и Н. А. Оцупа.

- 1) Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову, начало 1930.
 - 2) Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову, 4 апреля 1947.
 - 3) Вяч. Иванов – Н. А. Оцупу, 24 августа 1947.
- Приложение. Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

III. Письмо Вяч. Иванова к С. Алерамо, 5 апреля 1945.

Приложение. Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

IV. Документы из Римского архива Вяч. Иванова.

- 1) Договор об издании *Комедии Данте*.
 - 2) Переписка с А. В. Луначарским о проекте Русской академии в Риме и командировке в Италию:
 - Записки В. И. Иванова А. В. Луначарскому (22 сентября 1924, 29 сентября 1924, 6 октября 1924);
 - Письмо А. В. Луначарского Вяч. Иванову, 13 февраля 1924;
 - Заявления Вяч. Иванова А. В. Луначарскому (1 мая 1926, 5 сентября 1928, 2 сентября 1929).
- Приложение. Выписка из протокола Наркомпроса, 16 ноября 1929.
- 3) Документы, направленные в Конгрегацию восточной церкви.

*I. Итальянские стихотворные опыты и поэтические переложения**

1) Стихи «На экземпляре переводов из Петрарки».

Ю. Верховскому

Io accettai in dono i trenta tre,¹
 Che vedi qui risplender, dal mio re
 E lor fattore, affinché al mio paese
 La grazia del sovrano fosse palese
 Verso il vassallo, di cui l'onestade
 Si mostra adorna della lor beltade.²

5 февраля 1915 г.

<Тетрадь 3, л. 2 об.>.³

* Орфография итальянских текстов сохраняется во всех случаях, даже когда не соответствует современным нормам. В буквенных примечаниях приведены авторские варианты.

¹ Имеются в виду 33 сонета, избранные Вяч. Ивановым для книги переводов Петрарки (Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты, М. 1915).

² *Перевод:*

Я принял в дар тридцать три,
 Которые ты видишь здесь сияющими, от моего короля
 И их создателя, чтоб моей стране стала известна
 Милость суверена к вассалу, чья честность
 Предстает украшенная их красотой.

³ В РГБ, 109. 3. 102, есть белой автограф карандашом – ранний карандашный вариант этого текста:

Vassallo, ricevetti i trenta tre,
 Che vedi qui raccolti, dal mio re:
 Affinché pure al mio natal paese
 La grazia del sovrano fosse palese
 Verso colui, di cui la fedeltade
 Si mostra adorna della lor beltade.

2) Поэтические переложения.

Вяч. Иванов, *Римские сонеты*, сонет 1.

Regina Viarum

Te, Roma eterna, tardo pellegrino,
Reduce agli archi antichi, col serale
A v e saluto, come del natale
Sognato lido il porto vespertino.

Noi l'Ilio avito in fiamme al suo destino
Insani demmo. Si spezzan le sale
D'emuli carri nel furor fatale.
Bruciar ci vedi, dea d'ogni cammino.

Arsa anche tu, regina risorgesti,^a
Né spense il fumo, dell'arcana sorte
Memori, gli occhi tuoi, lumi celesti.

E il cipresso, custode alle tue porte,
Sa che, di Troia ardendo ancora i resti,
Un'altra Troia diventava forte.⁴

<Машинопись без поправок в папке АВТ, внизу указано: Trad. di Ettore Lo Gatto e dell'autore>.⁵

^a Dei carri nel furore universale. / Vedi, Regina di ciascun cammino:
/ Bruciamo! Tu, pure arsa, risorgesti.

⁴ Автоперевод этого же сонета свободным стихом был опубликован в «Il Frontespizio» 9 (1930), p. 5.

⁵ Совместный стихотворный перевод Ло Гатто и Вяч. Иванова.

А. Пушкин

I mietitori

Per il campo va la falce,
Una lunga striscia d'oro
Dietro lascia, ovunque va.
Per il campo va, mia falce,
Il mio cuore tu rallegri!

<Из Сцен из Рыцарских времен>

Ходит вò поле коса,
Зеленая полоса
Вслед за ней ложится,
Ой, ходи моя коса.
Сердце веселится.

Le tre sorelle

Tre donzelle ad ora tarda
Stavano filando il lino.
– “Se mai foss'io la regina,”
Disse l'una delle tre, –
“Chiamerei a gran banchetto
Tutto il mondo cristiano”.
– “Se mai foss'io la regina,”
Disse un'altra delle tre, –
“Tanta tela tesserei
Tutto il mondo cristiano
Da vestir”.
– “Se mai foss'io la regina,”
Disse la terza sorella, –
Al re sposo donerei^a
Un bel figlio, grande eroe”.^b

<Из Сказки о Царе Салтане>

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, –
Говорит одна девица, –
То на весь крещеный мир
Приготовила бы пир».
«Кабы я была царица, –
Говорит ее сестрица, –
То на весь бы мир одна
Наткала бы полотна».
«Кабы я была царица, –
Третья молвила сестрица, –
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

^a Al re, sposo mio, darei.

^b Al re, sposo mio, un figlio / Grande eroe, donerei.

La Zingarella

Tintinnío di campanelle,
 Strepito di tamburini...
 E la gente – quanta folla! –
 Ammirando stanno attorno
 Alla bella Zingarella.
 E la Zingarella danza,
 Percuotendo il tamburino,
 Sventolando il fazzoletto,
 Canta con voce sonora:
 “Cantatrice, danzatrice,
 Del futuro io son presaga”.

Колокольчики звенят...

Колокольчики звенят,
 Барабанчики гремят,
 А люди-то, люди,
 Ой люшеньки-люли.
 На цыганочку глядят.
 А цыганочка-то пляшет,
 В барабанчики-то бьет
 И ширинкой алой машет,
 Заливается-поет:
 «Я плясунья, я певица,
 Ворожить я мастерица».

<Все три переводы из Пушкина находятся на отдельном листе, слева – герб Колледжо Борромео, беловые автографы черпилами, папка АВИ>.

И. Новиков

Il Mercato

Brusío sulla piazza...
 La folla schiamazza
 Attorno ai carretti,
 Assale i banchetti.
 C'è di tutto, vicini,
 Per chi tiene in saccoccia quattrini:
 Finimenti, stoviglie, rame,
 Legname, catrame,
 Masserizia utile,
 Mercanzuola fútile, –
 Orecchini, collane, gioielli
 Pietre, perle, catenelle, anelli.

Per chi, cristiani, ha fame,
 Pesce, trippa, salame!
 – Oibò!
 – Quel birbone alla vecchia
 rubò...

Базар

Оглобли, колеса,
 Кровли из теса,
 Палатки, лотки,
 Бабы и мужики.
 Сало, лапти и деготь
 (Руками не велено трогать!),
 Мука, картошка и лук,
 Говор, хлопанье рук:
 Это купили,
 Это обменяли,
 Чаечку в трактире попили,
 Калачики в рот,

На блюдечке пот.
 Ребятки
 Стоят у палатки,
 Девчонкам ниточку бус
 – Ай!

– Comari, un sapone!
Tagliami, su, di quel panno...
– Tagliane senz'inganno!

– Pesci vivi! Ricotta!
Pizza! Pagnotta!
Ciambelle, mentini
Per pochi ventini!

– Acciughe, acciughe, baccalà!
Non toccar, birichino, olà!
– Caspita, quanto sale!
– Eh, quanto pesa vale.

– Bibita, bibita ghiacciata!
Dolcissima limonata!
Fresca, allegra, gazzosa,
Deliziosa!..

Lí si compie un barattino
Con lo Zingaro istrione,⁶
I sonagli fan tintinno,
E si scambia il cavezzone.

Lí s'accende una zuffa:
– L'indovina fa truffa!
La mano sfiora,
L'anello è fuori!..

Il fiume s'annebbia;
La brezza di giù stende l'ala;
Il sole cala...

È tempo, compagni! Senza
Indugio partenza!

– Баба, знать, что-то забыла.
– Батюшки, мыла
Да ситцу аршиночка три...
– Не обмеряй, смотри!
– Эй, сваточки да сватьи!
Эй, пироги да оладьи!
Эй, пироги горячи
Сейчас из печи!

Там, у жирнеющей тетки,
Тыкают пальцем селедки:
– Ух ты, как соль, солоня!
Ух ты, как тетка жирна!

А сбоку, как колокол, басом:
– Квасу, холодного кваса!
Эй, замечательный квас!
Не прочухаться враз!

А за полем у речки
Из полы в полу уздечки:
Там, бубенцами звеня,
Цыган меняет коня.

Рядом идет перепалка:
– Ишь ты, какая гадалка!
Прямо колечко с руки!..

Холодок от реки,
Солнышко к западу тянет,
Солнышко манит...

Не пора ль, мужики, на покой?
На деревню, домой?

⁶ БЫЛО: cozzone.

Sali presto, padrona!
Hai preso due posti, grassona!

Ладно, что ль, села, хозяйка?
Знай, не дремли, погоняй-ка!

Si son messi tutti? Benino!
Forza! hip, hip! olà, ronzino!..

Оглобли, колеса, кнуты...
Эй, пошевеливай ты!

<Папка АВИ, белой автограф чернилами, на листе русский и итальянский тексты в две колонки>.

Т. Вечерка

L'Approdo

Risorgi rassegnato ormai,
Non palpitar, di mesti lai^a
Dimentico, convalescente,
Risorgi, mio ferito cuor,
In pace, come quel chiaror
In ciel del pallido crescente!
Il velo fosco si strappò.
L'ardor che ieri divampò
In ceneri finí d'oblio.
Né sogni di felicità
Conturban l'anima che va
Incontro alla marea di Dio,
Risorgi, come quel chiaror
In ciel del pallido crescente!

<Ну, что же, счастье может в том...>

Ну, что же, счастье может в том
Чтобы войти в твой тихий дом,
Прилечь на кожаном диване
Устало к твоему плечу
И тихо погасив свечу
Восход луны приветить ранний.
Так видно вздумалось судьбе,
Что счастье мое в тебе
Молитвенность и неизбежность
Что только я обречена
Души твоей изведать нежность.
Ну, что же, счастье может в том
Чтобы войти в твой тихий дом.

<Недатированная партитура в архиве Л. В. Ивановой, в верхнем правом углу указано: Musica di Lydia Ivanova. Parole di Venceslao Ivanov. В том же архиве – партитура, озаглавленная *Романс для сопрано и виолончели*. Слова Татьяны Вечерки. Музыка Лидии Ивановой. 23 августа 1923 г., Баку>.

^a Вариант отдельного автографа в папке АВИ: dei lunghi guai.

II. Переписка Вяч. Иванова и Н. А. Оцупа

Первое письмо Николая Оцупа (1894-1958) к Вяч. Иванову было написано по конкретному поводу: Оцуп выпустил в свет первый выпуск журнала «Числа» и просил у Иванова стихи или прозу для следующих номеров. О новых стихах поэта, написанных в Италии, Оцуп знал от Ильи Голенищева-Кутузова, который несколько лет назад встречался с Ивановым в Риме. Были и другие общие знакомые: П. Муратов⁷ и Этторе Ло Гатто;⁸ с обоими Оцуп несколько раз встречался в Вечном городе.

Новых стихов Иванов Оцупу не дал – значительная часть из написанного после окончательного приезда в Италию в 1924 г. было уже передано Голенищеву-Кутузову, который опубликовал три *Римских сонета* и *Палинодию* в составе своей статьи в 43-м номере «Современных записок» за 1930 г.⁹ Не ответил поэт и на посланную Оцупом анкету литературного отдела «Чисел» о причинах упадка русской литературы.¹⁰ Но следствием литературно-издательских инициатив Оцупа было начало серьезных дружеских отношений, которые укрепились между ним и Вяч. Ивановым в последующие годы. Оцупа, среди русских друзей и знакомых Вяч. Иванова в 1930-х–1940-х гг., наряду с причастностью к ушедшей петербургской литературной эпохе, отличало стремление к преодолению эмигрантского изоляционизма, к универсализму, к европейским горизонтам цивилизации. Как, пожалуй, никто из русских гостей, посетив-

⁷ См. инскрипт на книге Оцупа *В дыму* (Париж 1926): «Дорогому Павлу Павловичу Муратову от искренне преданного Николая Оцупа. Roma-Napoli-Parigi 1926», экземпляр в РАИ.

⁸ Э. Ло Гатто. *Мои встречи с Россией*, М. 1992, с. 93-94.

⁹ С оговоркой, что стихи печатаются по ходящим по рукам спискам – Вяч. Иванов до 1935 г. воздерживался от прямого участия в эмигрантских изданиях – см. письмо Вяч. Иванова к И. Н. Голенищеву-Кутузову от 24 апреля 1930 г., «*Euroa Orientalis*» 8 (1989), р. 497.

¹⁰ Вот она: «1. Считаете ли Вы, что русская литература переживает в настоящее время период упадка? 2. Если да – в чем Вы видите признаки этого явления и 3. каковы его причины?». Рукой Оцупа приписано: «Вот о чем было бы крайне важно для “Чисел” получить несколько строчек от Вас. Можно ли на это рассчитывать?».

ших Вяч. Иванова в Риме, Оцуп почувствовал значительность последнего ивановского произведения – *Повести о Светомире-царевиче*, пережил лирическую и духовную глубину поэмы *Человек*. В одной из записей *Дневника в стихах* 1945 г. Оцуп передал свое впечатление от чтения Ивановым стихов из *Римского дневника 1944 г.*:

Хорошо, что погруженный в Рим,
Этот океан из океанов,
Стал и здесь воистину своим
Вячеслав Иванович Иванов.
Он стихи апрельские читал
И листы в руке чуть чуть дрожали,
Он как патриарх благоухал
Юностью и сединой...
– Слыхали?
Я католик... И к лицу ему
Это сам не знаю почему.¹¹

Диалог об искусстве между двумя поэтами, как следует из обмена письмами в 1940-е годы, был диалогом равных, не диалогом учителя и ученика.

1. Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову.

<Париж, начало 1930 г.>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Только на днях мне сообщили Ваш адрес и я, простите за невольное опоздание, поспешил Вам послать 1-ую книгу «Чисел». Вторая выходит 15 Сентября, третья – 15 Декабря.¹²

Если знакомство с 1-ой книгой расположит Вас к этому, не напишете ли Вы что-нибудь для нас?

¹¹ Цитируется по автографу на отдельном листе в письмах Оцупа. С незначительным разночтением включено в *Дневник в стихах* (Н. Оцуп. *Океан времени*, СПб. 1993, с. 382).

¹² Оцуп основал журнал «Числа» в 1930 г.; всего до 1934 г. было издано 10 номеров.

Все, что бы Вы не прислали – стихи, статьи – будет для нас подарком высокой ценности. Г.<оленищев-Кутузов>¹³ рассказывал мне о теперешней Вашей жизни. Не знаю, помните ли Вы меня – наша встреча в Москве была слишком мимолетной и случайной. Несколько лиц, особенно близких к «Числам», и я, считаем Вашу роль в русской культуре последней четверти века – едва ли не самой значительной.

Вы поймете поэтому, с каким нетерпением редакция «Чисел» ждет от Вас каких-нибудь отзвуков Вашей теперешней жизни.

По словам того же Г.<оленищева> Вам, быть может, удобнее печатать свои вещи в эмигрантском издании (хотя мы вне всякой политики)¹⁴ не будучи прямым, а только косвенным сотрудником (например, кто-то публикует ваши стихи не как посланные в «Числа», а как переписанные у Вас).¹⁵ Мы согласны на любую форму Вашего сотрудничества, лишь бы получить В.<аши> вещи.

С чувствами, которые Вам должны быть понятны из этого письма

Ник. Оцуп

¹³ Писатель, переводчик и крупнейший историк литературы И. Н. Голенищев-Кутузов (1905-1969) познакомился с Ивановым в 1927 г. в Риме. С осени 1929 г. Кутузов жил в Париже и 25 января читал в парижском «Союзе молодых поэтов» доклад *Лирика Вячеслава Иванова*. После доклада о возможности издать новые ивановские стихи Кутузова спрашивали редактор «Современных записок» М. О. Цетлин и представлявший «Числа» Оцуп. Рассказ об этом см. в письме Кутузова к Иванову от 31 марта 1930 г., «Еуропа Orientalis» 8 (1989), p. 495.

¹⁴ Особенностью «Чисел» действительно был отказ от всякой политики и сотрудничество всех поколений русской эмиграции. См. Н. Андреев. *Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом*, в сб.: *Русская литература в эмиграции. Сб. статей*, Питтсбург 1972, с. 27.

¹⁵ Именно таким образом были опубликованы стихи Иванова, сочиненные в 1920-е годы, внутри посвященной ему статьи Голенищева-Кутузова в журнале «Современные записки», № 43, 1930, с. 466-70.

2. Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову.

<4 апреля 1947 г.>

Дорогой Вячеслав Иванович,

Шлю Вам и Вашим самые сердечные пожелания к великому празднику. Моя жена¹⁶ в Январе была в Риме и ждала моего приезда, чтобы вместе пойти к Вам, но я задержался и пришлось этот визит отложить.

Я не раз думал о Вас и о Вашей *Ахинее*.¹⁷ Хорошо, что Вы, долголетний эмигрант, там же, где Гоголь писал *Мертвые души*, пишете поэму, тоже глубоко русскую. Нельзя России изменить, и Ваша муза – с нею. Я тоже сердцем там – навсегда.

Если г-жа Фламинго¹⁸ простит мне невольную фамильярность и захочет напомнить свое имя отчество, я буду в следующий раз более учтив. А пока прошу ей передать, что не забыл ее рассказа о московских паломниках. Читая русские книги, радостно признать: там есть подспудная свобода.

О жизни бытовой писать не хочется. О стихотворчестве своем и других мог бы написать, да ведь оно лишь след внутреннего сгорания. Когда-то Блок жаловался: мы не пророки, мы – поэты.¹⁹ Да и как найти последнюю радость в мысли изреченной, этой подмене правды и жизни словами?

А душа не устает порываться к самому важному, самому неисповедимому:

– К вечности готовиться пора!²⁰

А там что?

И вспоминается Ваше:

Увы, тогда то
Еще мятежней может быть
О берег все, чем дно богато,

¹⁶ Диана Александровна Карэн.

¹⁷ Так в семье Вяч. Иванова и круге его близких друзей шутливо именовалась *Повесть о Светомире*, над которой поэт работал с конца 1920-х годов вплоть до своей смерти.

¹⁸ Фламинго – прозвище Ольги Александровны Шор (1894-1978), ближайшего друга и “совопросника” Вяч. Иванова в римский период.

¹⁹ «Были “пророками”, пожелали стать “поэтами”» (А. Блок. *О современном состоянии русского символизма*, в: А. Блок. *Собрание сочинений*, V, М.-Л. 1962, с. 433).

²⁰ Неустановленная цитата.

Волною мутной станет бить.²¹

Шлю самый сердечный привет Вам и Вашим

Ник. Оцуп

Venerdì Santo,²² A. D. 1947

8, via Maggiolo, Nervi (Genova).

3. Вяч. Иванов – Н. А. Оцупу.

Рим, 24 августа 1947

Дорогой Никита Авдеевич,

Давным давно – с Пасхи, – все собираюсь написать Вам, поблагодарить за память и весточку и сказать Вам что-то душевное, внутреннее, – что и просит сказаться всякий раз, как подумаю о Вас, а вспоминаю Вас постоянно – но «заботы века сего»²³ все время заглушают – не мысль о Вас, а по крайней мере слово, которое хотело сказаться. Собирался я и попенять – для первого-то знакомства – Вашей жене за то, что, будучи в Риме в Ваше отсутствие, не пожелала без Вас навестить меня, а жаль – без Вас то и хорошо было бы о Вас позлословить. Вывела меня из моей предосудительной летаргии прилагаемая «дописица»: не зная, что я могу и чего не должен сообщать о Вас, поверяю ее на Ваше воззрение – если будете писать Вашей, по-видимому, поклоннице, приветствуйте ее и от меня. Итак, ныне Вы пренебрегаете словом, повторяя грешную обмолвку Тютчева о лжи изреченной мысли²⁴ (всякая грешная обмолвка подхватывается людьми с восторгом), и за это на Вас почти сержусь, – тем более, что Вы прикрываете писательский грех «праздности и уныния»²⁵ (у Пушкина: «Владыка дней моих! дух

²¹ Оцуп выписывает строки из поэмы Вяч. Иванова *Человек*, вышедшей первым изданием в Париже в 1939 г.

²² Великая пятница, пятница на Страстной неделе (итал.).

²³ Мр. 4: 19.

²⁴ Цитата из стихотворения Тютчева *Silentium*. Ср. также статью Иванова *Два русских стихотворения на смерть Гете*, в: В. И. Иванов. *Собрание сочинений*, IV, Брюссель 1986, с. 165.

²⁵ Слова из великопостной молитвы св. Ефрема Сирина.

праздности унылой...») ²⁶ благочестивыми соображениями о том, что к «вечности готовиться пора». Наилучшее приготовление к вечности есть добрая и, следовательно, непременно деятельная жизнь в ее преддверии, то есть в земном времени – ведь до истинной, священной *vita contemplativa* ²⁷ мы, в миру о небесном мечтающие, не доросли. Если мысль изреченная оказывается ложью, то она была ложью изначально, в самом сердце человека, откуда истекла. И таких великолепно украшенных лжей и соблазнов в Тютчеве было немало. Есть мысли неизрекаемые, неизглаголаемые по своей высоте и святости – об них *par definition* ²⁸ следует молчать (разве лишь, в крайнем случае, намекнуть на них символом), и насильственно (кощунственно!) их изрекающий неизбежно их искажает, но в этом виноват он сам, а не слово. Вам же, после двух великих и светлых событий Вашей жизни, должно много работать в слове. Ведь Вы – поэт, а прямое назначение поэта – славить: ²⁹ Вам ли, именно теперь, не благодарить и не славить? [Псалом 56: 8-9: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (по еврейски: «разбужу зарю»)]. Но прежде всего долг каждого русского, решившегося восполнить свое православие признанием вселенской правды Петра – рассказать о духовном пути, приведшем его к этому решению. ³⁰ Итак, автобиографический отчет о пережитом (а опыты Вашей жизни богаты и разнообразны) для Вас приобретают особенный, ответственный смысл. Хочется, кстати, по привычке стихотворцев, – выписать здесь вступление к моему *Младенчеству*:

²⁶ Из стихотворения А. Пушкина *Отцы пустынники и жены непорочны...*

²⁷ Созерцательная жизнь (лат.).

²⁸ По самой их природе (франц.).

²⁹ Ср. «Поэт и есть тот, кто славословит» (М. С. Альтман. *Из бесед с поэтом В. И. Ивановым. Запись от 20 января 1921 г.*, «Ученые записки Тартусского гос. университета», вып. 209 (1968), с. 307. (Этот фрагмент отсутствует в варианте текста Альтмана, опубликованного К. Лаппо-Данилевским, СПб. 1995).

³⁰ О церковных настроениях Оцуца в это десятилетие см. в его *Дневнике в стихах*, с. 344, 383. Католическая церковь, ее исторические ошибки, и, наряду с этим, ее роль в создании европейской культуры – одна из тем *Дневника*.

<Вот жизни длинная мишень,
 Воспоминаний палимпсест,
 Ее единая идея –
 Аминь всех жизней – в розах крест.
 Стройна ли песнь и самобытна
 Или ничем не любопытна, –
 В том спросит некогда ответ
 С перелагателя Поэт.
 Размер заветных строк приятен;
 Герою были верен слог;
 Не так поэму слышит Бог;
 Но ритм его нам непонятен.
 Солгать и в малом не хочу;
 Мудрей иное умолчу.>³¹

Роман, дорогой друг, пишите широкий роман в прозе: Вы же, как художник, существенно реалист. О романе же не скажешь: «мысль изреченная есть ложь», или, как этот афоризм перефразирован: «подмена правды и жизни словами». Он (пусть он будет, если того хочет Муза, также автобиографическим) может и должен быть самою правдой и самой жизнью.

Откликнитесь, если охота, и расскажите побольше и поконкретнее о себе и жизни Вашей. Передайте мой глубокий и сердечный привет и супруге Вашей.

Ваш Вяч. Иванов.

Р. S. Кланяется Вам Ольга Александровна – Фламинго. А дочь и сын теперь в Швейцарии.

<Папка ПИ II>.

Приложение

Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

Капризная память запечатлела от встреч с Николаем Оцупом лишь несвязанные, импрессионистические образы. Стучался Оцуп в дверь нашей небольшой квартиры на виа Альберти, как подобает беглецу, со страхом озирающемуся – не следит ли кто за ним. Непред-

³¹ В машинописи – пропуск.

виденное появление его, точно вдруг вырастающего из темной стены, плохо сочеталось с массивной и – мне казалось – робкой фигурой.

Отец мой принимал его радушно, уводил через узкий коридор в кабинет–спальню, где велись долгие и уютные разговоры. Я в те месяцы редко бывал дома. А с сестрой моей Лидией и нашим другом Ольгой Александровной Шор Оцуп сразу сдружился. За круглым столом в столовой пили чай и подкармливали нелегального гостя. Он приезжал из недалекого древнего бенедиктинского аббатства «Фарфа», где он нашел убежище после бегства из концлагеря. Путешествия в Рим были опасны. Не освобожденные союзниками территории Италии, среди которых – Рим, были оккупированы немцами, и город жил под строгим надзором Гестапо. Несмотря на риск, Лидия и Оцуп несколько раз убегали из дома, чтобы побродить по площадям Рима и пойти на концерт. Раз Лидия привела его в закрытый зал «Санта Чечилия» на репетицию своей композиции.

А потом Оцуп, осторожно озираясь, пробирался снова в свой средневековый монастырь, где предавался беседе с другом–монахом и переживал сложный религиозный и духовный опыт.

III. Письмо Вяч. Иванова к Сибилле Алерамо.

Литературная слава пришла к Сибилле Алерамо (настоящее имя – Rina Fassio, 1876-1960) после публикации в 1906 г. ее романа *Одна женщина*. В 1912 г. в Сорренто она познакомилась с Горьким и Бенедетто Кроче.³² Подруга многих ярких деятелей искусства – достаточно упомянуть о связи с Квазимодо в 1935 г., она была и преуспевающей писательницей, автором нескольких книг стихов и прозы. Политические симпатии Алерамо менялись с веяниями времени: в 1933 г. она вступила в Национальную фашистскую ассоциацию женщин (*Associazione nazionale fascista donne artiste e laureate*), в 1946 – в Итальянскую коммунистическую партию. В 1952 г. она предприняла путешествие в СССР, где в том же году ударно

³² *Cronologia della vita di S. Aleramo*, in: S. Aleramo. *Diario di una donna. Inediti 1945-1960*, Milano 1978, p. 12.

была выпущена книга переводов ее стихов,³³ а в Италии – книга впечатлений от самого демократического в мире государства.³⁴

Начало знакомства Алерамо с Вяч. Ивановым датируется инскриптом итальянской поэтессы на находящейся в Римском архиве книге *Моменты* (S. Aleramo. *Momenti. Liriche*, Firenze 1922 seconda edizione): «Al grande poeta V. Ivanov e al grande amico della poesia italiana, Sibilla Aleramo. Roma, 9 dic. 1925».

В 1934 г. Алерамо старалась познакомить с Ивановым своих флорентийских друзей.³⁵ Весной 1945 г. Сибилла Алерамо подарила Вяч. Иванову свою вторую книгу стихов *Да – земле* (*Sì alla Terra*, 1-е изд., 1934). Впечатления о прочитанном послужили Вяч. Иванову поводом, чтобы еще раз высказаться о форме, которая отграничивает поэзию от прозы, в том числе, и от красноречия.

5 Aprile '45

Gentile Signora,

Grazie dell'amichevole invio delle Sue liriche. *Sì alla Terra* è anzitutto un libro d'eloquenza appassionata e fiorita. Cito quale esempio caratteristico il componimento intitolato *Eternità*, che non è che un bel discorso, mentre contiene elementi suscettibili della

³³ Сибилла Алерамо. *Стихи*. Перевод с итальянского Вл. Соловьева. Предисловие Б. Всеволодова, М. 1952, 40 сс. Это перевод книги *Aiutatemi a dire. Nuove poesie. 1948-1951*, Roma 1952. В предисловии сообщалось, что «после захвата фашистами власти в Италии Сибилла Алерамо была лишена возможности открыто выражать свои мысли, издавать свои произведения» (с. 3).

³⁴ *Russia alto paese*. Italia-URSS Editrice. Conferenza letta per la prima volta il 23 novembre al Circolo Culturale Tommasi di Ancona. Любопытен подбор иллюстраций: 1. С. Алерамо. Рис. Г. Теллон. 2. Ленин и Сталин в Разливе. Рис. П. Розина. 3. Алерамо посещает музей Горького в Москве. 4. Фотография Горького в Сорренто с дарственной надписью Алерамо.

³⁵ Свидетельство тому – письмо к поэту Роберто Папи, случайно оказавшееся в бумагах РАИ: «Roma, 23 ottobre 1934. Caro Roberto Papi, sono lieta di presentarvi il grande poeta russo, Venceslao Ivanov, e voi sarete felice di conoscerlo. Egli viene a Firenze per qualche tempo. Conosce già Papini, e qualcuno del "Frontespizio". Fate che senta la grazia di Firenze attraverso il sorriso vostro, di Vittorina e dei vostri bimbi. Arrivederci! Aff. Sibilla Aleramo».

trasfigurazione in un canto. Altrettanto direi di *Psiche* che è già quasi un'ode, cioè un canto; ci vuole un leggero ritocco affinché lo sia nel senso vero e proprio. Mi piace assai *Violenza del Nembo*, un po' meno *Ob Palme delle Mani*; mi piacciono pure *Volontà* e *Tu, Poesia*. Ecco, veda: tale è l'indole della Poesia che, sotto l'impeto d'un'emozione forte, lungi dal voler parlare, ammutolisce, per partorire poi dal grembo di questo fecondo silenzio (non invano parla Platone delle «anime incinte»)³⁶ la Forma – talvolta ben lontana dalle contingenze che hanno causato l'emozione, – e questa Forma si manifesta quale Melodia. Orbene, non c'è Melodia senza Legge; e Legge e Forma sono una cosa.

Gradisca i cordiali saluti del di Lei dev-mo

Venceslao Ivanov.³⁷

<Папка ПИ I>.

Приложение

Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

С Сибиллой Алерамо Вяч. Иванов познакомился, вероятно, в литературном и художественном салоне нашего старого римского друга, Ольги Ивановны Резневич-Синьорелли. В ранние годы ее

³⁶ «Беременные духовно <...> беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать» (речь Диотимы в *Пире* Платона, 209а, ср. 206с и далее).

³⁷ *Перевод.* «5 апреля '45. Милостивая сударыня, Благодарю Вас за дружественную присылку мне Ваших стихотворений. *Да земле* – прежде всего книга красноречия страстного и цветистого. Как на характерный пример указал бы на сочинение, озаглавленное *Вечность*: оно ни что иное, как красивая речь, но содержит уже элементы, которые могли бы преобразить ее в песнь. То же сказал бы и о *Психее*: оно уже почти ода, то есть песнь, нехватает лишь незначительной ретуши, чтобы оно стало таковой в истинном смысле. Мне очень нравится *Сила тучи*, несколько менее *О, ладони рук*, мне нравятся также *Воля и Ты, Поэзия*. Такова, видите, природа поэзии: под порывом сильного чувства она отнюдь не стремится что-то высказать – нет, она замолкает, чтобы затем из ложа этого плодородного молчания (не напрасно Платон говорит о «беременных душах») родить Форму, иной раз весьма далекую от того, что было первоначальной случайной причиной волнения – и эта Форма проявляет себя как Лирический Стих. Итак, нет Лирического Стиха без Закона, и Закон и Форма – одно. Благоволите принять сердечный привет от Вам преданнейшего Вяч. Иванова».

римской жизни, после выезда из Риги и учебы в Лозанне, где она кончила, одна из редких тогда женщин, медицинский факультет, – Ольга Ивановна сумела подружиться с скульптором Роденом, со Станиславским, с Элеонорой Дузе, которая стала ее близкой подругой. В 20-е годы, когда мы приехали в Рим, в обширных комнатах квартиры Синьорелли можно было постоянно встретить Пиранделло и Маринетти, Де Кирико и Де Пизиса, Респиги и Казеллу, маститых академиков и едких знаменитых критиков.

Гостеприимные хозяева приглашали взрослых – отца и Лидию, и меня, подростка. Считалось, что я буду развлекаться с тремя дочерьми Ольги Ивановны и с их товарищами приблизительно моего возраста. Но я был любопытен, пробирался в оживленные комнаты, где гремел многогласный разговор и весело разглядывал живой калейдоскоп. Запомнился пытливый, козлиный профиль Пиранделло, стоявшего в двери между двумя гостиницами и внимательно прислушивавшегося к невидимому собеседнику. С Маринетти я впервые встретился на вернисаже большой выставки. Я беседовал с профессором Синьорелли, мужем Ольги Ивановны, когда в другом конце зала появился новый посетитель.

– А вот и Маринетти! – воскликнул Синьорелли, его старый друг. Далекая фигурка медленно приближалась, вырисовывалась яснее: к нам подходил неспеша, слегка подпрыгивающим шагом, кругловатый, сурово одетый господин достойно буржуазного вида. Это был глава футуристов.

Среди плеяды модных литераторов в салоне блистала Сибилла Алерамо. И псевдоним ее, и пышные туалеты, и экзальтированные манеры, и стихи вторили царившему тогда в Италии влиянию Габриеле Д'Аннунцио.

Книги Сибиллы имели успех у широкой публики, которой нравился их красноречивый лиризм. Ее автобиографический роман *Одна женщина* стал известен во всей тогдашней Европе, Сибилла Алерамо стало одной из немногих итальянских писательниц, имя которых перешло границы их родины.

В писательском мире забавлялись ее частыми литературно-сентиментальными авантюрами и цитировали одно из ее стихотворений, где большую роль играл диван, на который она приглашала прилечь избранного собеседника. Собеседники эти были разного социального и политического толка, сторонники диктатуры в годы

власти ее. А когда времена изменились, сердце и муза Сибиллы открыли (как, впрочем, многие ее собратья) соответственное вдохновение в далекой империи Советов.

IV. Документы из Римского архива Вяч. Иванова.

1. Договор об издании *Комедии* Данте.

Г. Москва. Тысяча девятьсот двадцатого года, мая 14 дня. Нижеподписавшиеся: с одной стороны акционерное общество «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», с другой стороны – Вячеслав Иванович Иванов, заключили договор в следующем:

1. В. И. Иванов берет на себя перевести на русский язык *Божественную Комедию* Данте, причем перевод имеет быть выполнен в двух редакциях: стихотворной и прозаической и снабжен нужными пояснениями и примечаниями.

2. Работу по означенному п. 1 переводу В. И. Иванов имеет вести с таким расчетом, чтобы в течение трех лет со дня заключения сего договора ежегодно представлять акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» вполне готовую к печати рукопись одной из трех частей *Божественной Комедии* и, чтобы весь перевод в обеих редакциях во всяком случае был им закончен не позднее 31 декабря тысяча девятьсот двадцать третьего года.

3. Авторское право на означенный в п. 1 перевод *Божественной Комедии* в обеих его редакциях В. И. Иванов полностью уступает акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон».

4. Акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» предоставляется всецело по своему усмотрению определять формат, шрифты и вообще внешний вид издания перевода, равно как и сроки выхода его в свет, цену и прочие условия продажи. Равным образом акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» предоставляется печатать перевод *Божественной Комедии* как отдельной книгой, так и частями, с иллюстрациями и художественными приложениями и без таковых, а также вместе с другими сочинениями в переводе других авторов.

5. В изъятии из п. 3 предоставляется В. И. Иванову по истечении четырех (4) лет по выходе из печати полностью всего перевода поместить одну из редакций перевода – стихотворную или

прозаическую, по его, Иванова, усмотрению, – в полном собрании его сочинений. В. И. Иванов может однако воспользоваться этим правом лишь в том случае, если вышеуказанный перевод не поступит в продажу отдельно от полного собрания сочинений В. И. Иванова и не будет продаваться как особый том или особая книга.

6. За обозначенную в п. 3 уступку авторского права определяется В. И. Иванову гонорар: за первые десять тысяч экземпляров перевода в размере тридцати (30) рублей за каждый стих итальянского оригинала, а за каждую последующую тысячу экземпляров – в размере одного рубля пятидесяти копеек за каждый стих оригинала.

7. Уплата гонорара за первые десять тысяч экземпляров перевода производится акционерным Обществом «Брокгауз-Ефрон» в следующем порядке: а) при подписании сего акционерное Общество «Брокгауз-Ефрон» уплачивает В. И. Иванову аванс в размере сорока тысяч (40000) рублей – б) по представлении В. И. Ивановым рукописи законченной части перевода в обеих его редакциях, акционерное Общество «Брокгауз-Ефрон» уплачивает ему полностью соответствующую часть гонорара – в) аванс засчитывается при учинении окончательного расчета, т. е. при представлении В. И. Ивановым последней части перевода.

8. Гонорар за каждое последующее издание перевода, по израсходовании первых десяти тысяч экземпляров, уплачивается акционерным Обществом «Брокгауз-Ефрон», по расчету фактически выпущенных в свет экземпляров издания, в два срока, а именно – половина немедленно по выходе издания в свет, а вторая половина через шесть месяцев после сего.

9. Подлинник сего договора хранить акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон», копию иметь В. И. Иванову.

Правление акционерного Общества «Издательское дело бывш. Брокгауз-Ефрон».

А. Перельман

2. Переписка с А. В. Луначарским о проекте Русской Академии в Риме и командировке в Италию.

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 22. IX. 1924.

Согласно данному мне поручению, я вступил в предварительные переговоры по вопросу об основании в Риме института Археологии, Истории и Искусствоведения немедленно по моем приезде в Рим, а именно 17 сентября с Советником Посольства тов. Макаром и с 18 сентября с нашим Полномочным Представителем тов. К. К. Юреневым,³⁸ коему вручил письмо Ваше, выданный мне мандат на ведение означенных переговоров и копию моей докладной записки на Ваше имя от 24 августа с. г.

Как Советник Посольства, так и Полпред выразили полное сочувствие проекту в принципе. Тов. К. К. Юренев не только не нашел попытки основания института несвоевременной или несоответствующей положению дел, но, напротив, признал существование нашего института в Риме безусловно полезным и желательным, о чем и разрешил мне немедленно Вас уведомить. Мне было назначено Полпредом дальнейшее свидание для ближайшего рассмотрения предмета, но это второе свидание еще не могло состояться. Вместе с тем, Константин Константинович высказал намерение изложить свое отношение к возбужденному вопросу в докладной записке тов. Литвинову,³⁹ копию же последней переслать Вам. Однако, и теперь уже, на основании первой беседы, я имею возможность сообщить нижеследующие дополнительные данные.

Поскольку Институт ставит себе целью установление связей и взаимную информацию ученого мира России, мне было указано, что эта работа уже налажена нашим представительством во всех областях знания, так что этою стороною своей деятельности Институт вошел бы только в уже существующую сеть культурных сношений. С другой стороны, основание начальной ячейки Института потребовало

³⁸ К. К. Юренев (настоящая фамилия Кротовский, 1888-1938) – советский дипломат, в 1921-1937 полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Австрии, Японии.

³⁹ М. М. Литвинов (1876-1951), зам. наркома иностранных дел СССР.

бы несколько больших средств, чем было предусмотрено составителями докладной записки, к Вам обращенной, так как необходимо оплатить в Риме отдельное, хотя бы и небольшое помещение – места для работ Института в здании Представительства, до крайности уплотненном, совершенно нет и, при том, по соображениям принципиального характера, Полпред не считает уместным помещение института во дворце Посольства. По мнению Константина Константиновича Юренева, Институт должен развертываться постепенно, и на первых порах его организация должна быть весьма ограниченной по своим размерам (что совпадает и с мыслью докладной записки).

Я думаю с своей стороны, что Институт мог бы вступить в первую стадию своего существования, в качестве ячейки будущего более широкого учреждения, если бы на помощь мне был командирован ревностный и энергичный ученый, вместе исследователь и человек из любви к делу не боящийся и простой работы (опять указываю, как на желательного мне сотрудника, на профессора по истории искусств азербайджанского Университета доктора Всеволода Михайловича Зуммера),⁴⁰ – и с полугодовым бюджетом от 7500 до 10000 рублей, из каковой суммы можно было бы назначить, по соглашению с Полпредом, оклады лиц, работающих для Института, нанять и оборудовать приличное небольшое помещение (по здешним ценам наем обошелся бы в 1000 или немного более лир, т. е. в десять червонцев в месяц) и положить основание библиотеки, не только путем обмена научных изданий, и инкорпорирования существующей здесь государственной исторической библиотеки, но и путем приобретения распродающихся за границей частных библиотек и подписки на различные ученые издания.

Рим, 22 сентября 1924 г.

172 via Quattro Fontane,
3 piano (presso Placidi).

⁴⁰ В. М. Зуммер (1885-1951?) – заведующий кафедрой истории искусств Бакинского университета, археолог и ориенталист.

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 29. IX. 1924.

В дополнение к моей докладной записке от 22 сентября сообщаю, что по прибытии в Рим я поставил себя в распоряжение нашего дипломатического Представительства для работы, по его указаниям, в области научного и литературного сближения России и Италии. Считаясь с этим предложением, Представительство имеет в виду устройство одной или нескольких моих лекций по русской литературе в начале римского сезона, т. е. не ранее ноября. Оно же берет на себя установление первого личного общения между мною и полезными для дела представителями итальянской науки и литературы.

По вопросу об организации нашего Института дальнейших переговоров с Полпредом, вследствие его временного отсутствия, я не вел. Прибавлю к сказанному в моей докладной записке от 22 сентября, что и до законодательного проведения проекта об основании Института могла бы быть создана, в пределах существующих учреждений Наркомпроса, вспомогательная научная станция Главнауки (в контакте с Комиссией Заграничной Помощи) или Академии Художественных наук, путем а) высылки некоторой, хотя бы в начале и не крупной, суммы денег на приобретение первых нужнейших изданий, б) распоряжении об систематическом обмене изданий в относящейся к Институту области наук и в) полномочия заручиться благожелательным содействием и советами здешних ученых учреждений, преследующих те же цели, на предмет возможного в будущем устройства русского Института, под общим руководством и по основным директивам нашего Представительства: принятие таких мер дало бы возможность немедленно приступить к конкретной работе. В настоящее время я принужден ожидать дальнейших распоряжений и решений и ограничиваюсь собственной научной работой, весьма осложненной необходимостью предварительной ориентации в колоссальных успехах изучаемых дисциплин за то время (с 1914 г.), когда в России невозможно было следить за развитием этих дисциплин на Западе.

В заключении решаюсь обратить Ваше внимание на мою полную материальную необеспеченность, не только лишаящую меня необходимого для работы спокойствия, но и грозящую в недалеком будущем сделать ее невозможной.

Принимая во внимание вынужденно-поздний выезд мой из Москвы, дороговизну путешествия и значительную дороговизну римской жизни, нельзя, мне кажется, признать ненормальным <sic!> тот факт, что полученных мною еще в июле командировочных денег (800 р.) едва-ли хватит до половины ноября. В виду крайней материальной стесненности и перспективы оказаться в положении, не позволяющем мне ни продолжать начатую работу, ни, прекратив ее, вернуться внезапно и безрезультатно домой, позволяю себе убедительно просить Вас, напоминая полученные как от Вас, так и от Комиссии Заграничных командировок обещания, о незамедлительной высылке мне дальнейшей субсидии до 500 рублей, которые могла бы быть со временем зачтена в вознаграждение организационной деятельности, поскольку таковая будет признана необходимой и поскольку мне будет предоставлена в ней некоторая доля участия.

Рим, 29 сентября 1924 г.

172 via quattro Fontane,
3 piano (presso Placidi).

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 6. X. 1924.

К моим сообщениям из Рима от 22 и 29⁴¹ сентября присоединяю нижеследующее, подводящее, как мне кажется, итог моим предварительным переговорам со здешним Представительством по вопросу об учреждении нашего Института в Риме. 2-го октября я был вторично принят по этому делу Полномочным Представителем, который подтвердил свое сочувствие Институту «в идее», но, исходя из необходимых соображений о необходимости поставить дело не иначе как с надлежащею научною солидностью, выразил свою неудовлетворенность: 1) тем, что задачи Института не определены с полной ясностью и круг его деятельности не очерчен точно; 2) тем, что не намечены лица, обеспечивающие успех начинания, так как столь ответственное дело должно быть поручено специалистам-археологам, не только опытным, но и могущим импортировать здешнему ученому миру своим научным именем. Константиин Константинович присово-

⁴¹ В оригинале описка: 23 сентября.

купил, что в этом смысле уже писал в Москву Советник Посольства, тов. А. М. Макар, и что сам он имеет в виду изложить свой взгляд в письме на Ваше имя. По поводу обоих соображений я представил Полпреду некоторые соображения, существо коих сводится к нижеследующему:

1) Задачи и круг деятельности Института едва-ли могли бы быть намечены определительнее, чем это сделано в подписанных мною и сообщенных в копиях Представительству докладных записках (от 24 августа с. г. и дальнейших), особенно при невыясненности вопроса о том, как широко может быть поставлено задуманное дело, предлагать детально разработанный проект устава было бы, очевидно, преждевременно, и предупреждать в этом отношении действия Центра мне не представляется уместным.

Основные черты учреждений этого рода в достаточной мере типичны и общеизвестны. Желательная организация, как уже было указано, приблизительно такова:

Основывается в Риме входящий в сеть учреждений НКП очаг постоянной высшей научной работы, в виде скромного на первых порах, но соответственно оборудованного помещения, снабженного первым запасом книг и научных периодических изданий. Небольшая группа ученых объединяется вокруг очага: это исследователи, для работы коих необходимо постоянное пользование вещественными памятниками Рима – сосредоточенными здесь в огромном количестве произведениями искусства, остатками древности, надписями, рукописными кодексами древних авторов, книгохранилищами, архивами. Из ученых, работающих при Институте, одни уже мастера своего дела, другие суть начинающие исследователи, командируемые сюда на первых шагах своей академической карьеры, как командуются молодые люди, посвящающие себя науке, в исследовательские Институты. Объекты научной работы, привлекающие исследователей в Рим, могут быть весьма различны: Институт соответственно распадается по специальностям на секции, каковы: секция археологическая, секция филологическая и эпиграфическая, секция истории искусств, секция историческая и, быть может, другие. Старшие ученые берут на себя труд ближайшего научного ознакомления младших по своей специальности с памятниками Рима и Италии, устраивают курсы, экскурсии и практические занятия, помогают начинающим коллегам указаниями методологического и

научно-практического характера, поддерживают сами и облегчают молодым научное общение с другими центрами исследовательской работы в Риме, ищут создать повышенную научно-исследовательскую атмосферу. Вся ученая работа Института подотчетна, целью должно поставить периодическое обнародование его трудов. О самостоятельных раскопках в Италии думать, конечно, невозможно и в будущем, но ближайшее отношение к таковым и некоторое в них участие, особенно в методических целях, при благополучных условиях не исключается. Необходимо, чтобы Институт мало-помалу, по мере накопления самостоятельных результатов исследовательской работы, нашел возможность устраивать академические собрания (адюнанце), на которые эти результаты оглашались бы перед международной ученой аудиторией и служили предметом ученого обсуждения. В этом отношении большое значение имели бы посещения Института учеными с большим именем, работающими в Советской России: они могущественно способствовали бы культурному сближению наций и укреплению престижа нашей науки. Помимо всего сказанного, Институт должен был бы служить органом специальной и по существу информации о русской научной работе в подлежащих его ведению областях для иностранцев и об иностранной для русских и органом ближайшего научного общения между странами. Его работа должна была бы протекать в непрерывном и живом контакте с другими Институтами того же типа и академиями Рима и Италии.

Этим суммарным описанием достаточно конкретно и определенно, на мой взгляд, очерчиваются круг деятельности и задачи проектируемого Института. Развертывание его должно производиться постепенно, и начинать нужно с учреждения небольшой ячейки. Случайная беседа моя с одним из работников недавно открытого в Риме румынского госуд.<архивного> института археологии и истории показала мне, как скромно может быть такое начало. Годовой бюджет этого молодого учреждения не превышает 7000 рублей (70000 ит. лир). Правда румыны отказываются от создания собственной специальной библиотеки (этим, главным образом, объясняется разница между величиной их бюджета и высказанными мною приблизительными сметными соображениями). Они работают в чужих библиотеках (Германского и Американского Институты, Ватикана и др.) и ограничиваются приобретением книг первой и

постоянной надобности. Они занимают помещение, в котором работают и живут профессор-археолог, заведующий институтом, и три или четыре молодых ученых разных специальностей (археолог, историк и т. д.). Эти последние получают особые небольшие стипендии, не входящие в упомянутый бюджет, но пользуются в институте бесплатным помещением.

2) Что касается второго вышеизложенного возражения тов. Константина Константиновича Юренева, я лично совершенно согласен с ним, что директором Института всего уместнее было бы назначить специалиста – археолога, пользующегося заслуженною известностью, каков, например профессор Фармаковский⁴² или проф. Бузескул.⁴³ Но этот вопрос, на что я и указал тов. Полпреду, – будет несомненно предметом особого внимания и заботы учреждений Наркомпроса, руководящих академической жизнью страны. Лица в настоящее время не предуказаны, к чему есть достаточные обоснования. Мне лично поручено лишь ведение предварительных переговоров. Если бы даже моя конкретная работа потребовалась в период налажения первой ячейки будущего Института, это отнюдь не предрешало бы его дальнейшей организации и окончательного состава. Не будучи археологом по специальности, я счел бы справедливым притязать лишь на прикомандирование меня в будущем к его филологической секции, согласно содержанию и потребностям моей текущей научной работы и на основании как полученной мною школы, так и нашедших в ученом мире признания трудов моих по римским государственным древностям, по греческой поэзии и по истории греческой религии. Общее же ведение дела лучше всего поручить, – хотя Институт и не является исключительно археологическим – имеющему европейскую известность археологу. Но возражение о лицах не есть возражение по существу возбужденного вопроса, и, при наличии в СССР достаточного количества выдающихся научных сил, это указание может быть принято с благодарностью во внимание, но не может служить

⁴² Б. В. Фармаковский (1870-1928), археолог, член корреспондент АН СССР.

⁴³ В. П. Бузескул (1858-1931), профессор античности, действительный член АН СССР.

препятствием <скорейшему>⁴⁴ осуществлению чрезвычайно полезного, и не в одном только научном отношении, дела.

В заключении позволю себе просить Вас не <обносить>⁴⁵ в подробном осведомлении о содержании моих докладных записок из Рима со-автора первой, поданной Вам в Москве 24 августа с. г., Президента Академии Художественных Наук проф. П. С. Когана,⁴⁶ и, наконец по чисто личному делу о материальных затруднениях, мною испытываемых, позволю себе напомнить то, что уже писал от 29 сего сентября.

Рим, 6 октября 1924 г.

Письмо А. В. Луначарского – Вяч. Иванову.

<Москва, 13. 2. 1925>

Дорогой Вячеслав Иванович,

Идея Института в Риме отнюдь не погребена, но даже та маленькая ячейка, о которой Вы пишете, может быть организована

⁴⁴ В оригинале опечатка: старейшему.

⁴⁵ В оригинале опечатка: отпосить.

⁴⁶ В письме от 21 октября 1924 к П. С. Когану (1872-1932) Вяч. Иванов писал: «Дорогой Петр Семенович, в последней из трех моих докладных записок, посланных отсюда через посольство, я особенно прошу Анатолия Васильевича ознакомить с их содержанием Вас, как лицо, вместе со мной возбудившим вопрос, о котором в них идет речь. Поэтому позволительно предположить, что Вы в курсе дела и достаточно осведомлены о результате как этих моих обращений, так и направленных в Москву заявлений нашего представительства. Что касается отношения этого последнего к нашему проекту, я, – несмотря на одобрение замысла в его “идее”, не вынес впечатления действительного сочувствия попыткам его осуществления. Кажется, что я лично не кажусь представительству лицом желательным или достаточно компетентным для направления этого дела. Как бы то ни было, я рассчитываю на вашу дальнейшую поддержку в этом прекрасном и полезном начинании. Моя личность не играет в судьбах его никакой роли: повторяю, но лично я был бы весьма доволен ограничиться самым скромным emploi, соответствующим кругу моих занятий. Буду Вам очень благодарен, если Вы напишите мне, что думает обо всем этом центр и намерен ли что-нибудь предпринять». (Автограф в РГАЛИ, 237. 1. 54, л. 3).

Негативное отношение ответственных деятелей советского представительства подтверждается записями в дневниках Юрьенева и Макара (Архив министерства иностранных дел, Москва), о которых нам любезно сообщил Д. Черниговский.

только с будущего года, так как в бюджете этого года соответственных сумм нет и взять их не откуда. Мы ожидаем некоторое увеличение нашего бюджета в будущем году и я специально переговорю с тов. Петровым⁴⁷ о внесении некоторой небольшой суммы на устройство такой ячейки. Я буду Вам крайне признателен, если Вы уже сейчас пришлете небольшую записку, где коротко повторите главные аргументы для создания этой ячейки, именно имея в виду пока не целый институт, а небольшое предварительное учреждение, а также минимальный денежный расчет на содержание такой ячейки.

Смею Вас уверить, что никаких сомнений в том, что Вы можете быть лучшим руководителем такого зародыша Института, нет ни у кого. Наоборот именно то, что Вы находитесь уже в Риме, служит главной причиной в благоприятном отношении. Но Вы должны помнить, что еще и сейчас мы находимся под знаком строжайшей экономии и нужно в десяти местах доказать необходимость какого-нибудь культурного предприятия, что бы правительство раскошело-лось на него.

Вместе с тем, извещаю Вас, что я одновременно с этим письмом вношу официальное предложение о добавочной сумме для Вас. Я не могу вполне ручаться за успех, так как денег у Главнауки сейчас мало, но сделаю все, что от меня зависит.

Крепко жму Вашу руку и радуюсь, что все же в Риме Вы чувствуете себя хорошо.

Нарком по Просвещению
А. Луначарский.⁴⁸

⁴⁷ Лицо неустановленное.

⁴⁸ Письмо на бланке:

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР по ПРОСВЕЩЕНИЮ.

№ 545.

Заявления Вяч. Иванова – А. В. Луначарскому⁴⁹

<a>

Прошу в Вашем лице Нар. Комиссариат Просвещения не отказать мне в продлении моей научной командировки еще на год (по июнь 1927 г.) При моем возрасте и здоровье я нуждаюсь в здешнем климате, и моя исследовательская работа находит в Риме наиболее благоприятную научную обстановку. Моею ближайшею задачей является в настоящее время ознакомление здешнего ученого мира, путем докладов, чтений и составления заказанных специальными научными органами статей, с результатами моих работ в области истории греческой религии. Центром моих незаконченных изысканий служит по-прежнему Эсхил.⁵⁰

Рим, 1 мая 1926 г.

Позволю себе прибавить, что мне было бы желательно и отсюда содействовать делу просвещения в Сов. России путем издания моих переводов классической поэзии. Академия Худ. Наук уже давно имеет в своем распоряжении часть моего *Эсхила*, за обнаружением которого естественно должно было бы следовать продолжение публикации готового к публикации труда. В то же время, я был бы счастлив получить от Госиздата перевод поэмы Данта, мною начатый, – что доньше мне не удавалось.

5 сентября 1928

⁴⁹ Эти три заявления, хотя и не принадлежат РАИ, печатаются здесь, поскольку по содержанию непосредственно продолжают документы Римского архива.

⁵⁰ Свою деятельность в Италии в последующие месяцы Вяч. Иванов характеризовало в заявлении в ЦЕКУБУ из Павии 16 марта 1927 г.: «Недостаток в средствах к существованию заставил меня в текущем учебном году, за незначительное вознаграждение, занять место преподавателя немецкого, английского и французского языков в студенческом Collegio при Павийском университете. По приглашению этого университета, был прочитан мною в январе с. г. небольшой курс лекций о русской философии на факультете общественных наук. Мои лекции в Риме и Павии, личные связи и упоминания обо мне в печати являются моим посильным вкладом в дело ознакомления Италии с путями и достижениями русской мысли» (РГАЛИ 222. 1. 58, л. 1).

<с>

Моя преподавательская работа в Павийском университете и в университетском Collegio Borromeo; мои научные работы, из коих важнейшею является в настоящее время дополненное и исправленное французское издание моей русской книги о Дионисе (Баку 1923); условия моего расшатанного здоровья, о чем я имел честь представить в Наркомпрос медицинское свидетельство, и болезнь моего сына, также медицински удостоверенная, – все это настоятельно требует продолжения моего пребывания в Италии. Посему убедительно прошу Вас о продлении моей научной заграничной командировки на год.

Collegio Borromeo.

Pavia, 2 сентября 1929 г.⁵¹

Приложение

Выписка из протокола № 3 заседания Комиссии по научным заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР от 16 ноября 1929 г.

С л у ш а л и

10. Заявление профессора Вячеслава <sic!> Иванова о продлении срока командировки на 1 год.

П о с т а н о в и л и

5) Считая 5 летний срок пребывания за границей вполне достаточным для любой командировки, ходатайство отклонить и предложить проф. В. Иванову возвратиться в СССР.

Выписка верна. Секретарь Комиссии: Яковлева.

⁵¹ Как можно думать, следствием последнего заявления Вяч. Иванова был запрос о нем в советское представительство в Риме. «Секретный» ответ представительства – яркий документ стиля мышления советского дипломата той эпохи: «Рим, 25 сент. 1928 года. Секретно. Лично. Зам. Наркомпрос. т. Яковлевой. Уважаемая Варвара Николаевна! Писатель Вячеслав Иванов проживает в настоящее время в Падусе <sic!>, где состоит профессором. Он поддерживал некоторые связи с т. Керженцевым, но последние два года утратил связи с Полпредством и ничем себя как гражданин СССР не проявил. Насколько мне известно, и в итальянской печати не появлялось его статей в защиту СССР. Считаю нецелесообразным поддерживать его просьбу перед Правительством. С товарищеским приветом Д. Курский» (на бланке: СССР. Полномочное представительство в Италии. Автограф. РГАЛИ, 279. 3. 4).

3. Документы, направленные в Конгрегацию восточной церкви.

<a>

Alla Sacra Congregazione pro Ecclesia Orientali

Il sottoscritto, Ivanov Venceslao, figlio di fu Giovanni e di fu Alessandra, di religione greco-ortodossa, di nazionalità russa, nato a Mosca il 16 Febbraio (vecchio stile) 1866, domiciliato a Roma, via delle Quattro Fontane 172, dottore delle lettere, ex-professore di Università in filologia classica, vedovo, catechizzato dal Rev.^{mo} P. Vladimiro Abrikossov,⁵² – desidera unirsi alla Chiesa cattolica secondo il rito bizantino-russo, e chiede codesta S. Congregazione di voler autorizzare il sacerdote Rev.^{mo} P. Vladimiro Abrikossov di ricevere la sua professione di fede e di ascoltare le sue confessioni.

Inoltre il sottoscritto, chi aveva goduto personalmente la direzione spirituale di Vladimiro Soloviev, richiede l'autorizzazione della S. Congregazione di fare la sua professione di fede, dopo aver recitato il Credo due volte, cioè in greco o paleo-slavonico ed in latino, secondo l'allegata formola proposta dal Soloviev e solennemente recitata nella Basilica Vaticana alla festa di commemorazione del Primo Concilio Ecumenico di Nicea.

Roma, addì 14 Marzo 1926⁵³

⁵² О католическом священнике восточного обряда Абрикосове (1880-1966) см. в публикации А. Юдина *Униональное движение в России и русской эмиграции в 1917–24 гг.*, «Логос» 48 (1993), Брюссель-Москва.

⁵³ *Перевод*: «В св. конгрегацию Восточной церкви. Я, Вячеслав Иванов, сын покойных Ивана и Александры, греко-православного вероисповедания, русской национальности, родившийся в Москве 16 февраля (ст. стиля) 1866 г., проживающий в Риме, улица Четырех Фонтанов, д. 172, доктор филологии, бывший университетский профессор по классической филологии, вдовый, катехизированный его преподобием о. Владимиром Абрикосовым, – хочет соединиться с католической Церковью следуя византийско-русскому обряду, и просит означенную Св. Конгрегацию разрешить священнослужителю Владимиру Абрикосову принять его исповедание веры и принять его исповедь.

Кроме того нижеподписавшийся, поскольку он испытал радость личного духовного руководства со стороны Владимира Соловьева, просит разрешения Св. Конгрегации совершить свое исповедание веры, после того, как он

<Формула присоединения к католической церкви>

Come membro della vera e venerabile Chiesa ortodossa orientale o greco russa, che non parla per la voce di sinodo anticanonico, né per mezzo d'impiegati del potere secolare, ma per la voce dei suoi grandi Padri e Dottori, riconosco per giudice supremo in materia di religione colui, che è stato riconosciuto per tale da Sant'Ireneo, S. Dionigio il Grande, S. Atanasio il Grande, S. Giovanni Crisostomo, S. Cirillo, S. Flaviano, Il Beato Teodoreto, S. Massimo Confessore, S. Teodoro Studita, S. Ignazio, [S. Venceslao Martire] (sic!), ecc..., cioè l'Apostolo Pietro, che vive nei suoi successori e che non ha inteso invano le parole: «Tu sei Pietro, e sopra questa pietra edificherò la mia Chiesa. – Conferma i tuoi fratelli. Pasci le mie pecorelle, pasci i miei agnelli». – Amen.⁵⁴

Io riconosco tutti i dogmi e tutte le definizioni della Chiesa Romana, ed in questa vera fede, che professo liberamente, voglio con aiuto di Dio rimanere fino all'ultimo attimo della mia vita. E così sia.⁵⁵

дважды произнесет «Верую» – по-гречески или церковнославянски и по-латыни – в соответствии с прилагаемой формулой присоединения, составленной Соловьевым и торжественно провозглашенной в Ватиканской Базилике в праздник поминовения Первого Никейского Вселенского Собора.

Рим, 14 марта 1926 г.».

⁵⁴ Следующий абзац в автографе написан несколько иным почерком, видимо, он был приписан отдельно.

⁵⁵ *Перевод:* «Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей, я признаю верховным судьей в деле религии того, кого признавали таковым Св. Ириней, Св. Дионисий Великий, Св. Афанасий Великий, Св. Иоанн Златоуст, Св. Кирилл, Св. Флавиан, блаж. Феодорит, Св. Максим Исповедник, Св. Феодор Студит, Св. Игнатий, [Св. мученик Вячеслав] и т. д., а именно апостола Петра, живущего в своих преемниках и не напрасно слышавшего слова: «Ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь мою. – Утверди братьев твоих. – Паси овец моих, паси агнцев моих.» – Аминь. Признаю все догматы и все определения Римской Церкви, и в этой истинной вере, которую свободно исповедаю, с помощью Божией останусь до конца своей жизни. Да будет так».

<Автограф чернилами в архиве Конгрегации Восточной церкви (Congregazione Chiesa Orientale), Commissione per la Russia, n. 378/28>.

На следующем листе запись:

Die 18 martii 1926. Negative. Vada al S. Uffizio.

Die 20 martii 1926. P. Abrikossoff avverte che il S. Uffizio ha concesso la facoltà di ricevere l'abiura dal Signor Iwanow colla formula insolita. Mergotti.

Ad acta.